

Война с саламандрами

Автор:

[Карел Чапек](#)

Война с саламандрами

Карел Чапек

Young Adult. Новый мир

В поисках жемчуга капитан Ван Тох обнаруживает возле островов Тихого океана необычных существ. Они похожи на саламандр, но обладают разумом и, как выяснилось, быстро обучаются. Ван Тох хочет помочь трудолюбивым существам и начинает расселять их среди людей.

Так началась новая глава в истории саламандр, которые постепенно эволюционировали. Они научились разговаривать, переняли человеческие привычки и образ мышления. Но по-прежнему оставались всего лишь дешевой рабочей силой. Никто не догадывался, что однажды эти загадочные существа заявят о своих правах и решат покончить с господством людей.

Карел Чапек

Война с саламандрами

Karel Capek

Valka s mloky

© А. Гурович, перевод на русский язык, 2021

Книга первая

Andrias Scheuchzeri

1. Странности капитана ван Тоха

Если бы вы стали искать на карте островок Танамаса, вы нашли бы его на самом экваторе, немного к западу от Суматры. Но если бы вы спросили капитана И. ван Тоха на борту судна «Кандон-Бандунг», что, собственно, представляет собой эта Танамаса, у берегов которой он только что бросил якорь, то капитан сначала долго ругался бы, а потом сказал бы вам, что это самая распроклятая дыра во всем Зондском архипелаге, еще более жалкая, чем Танабала, и по меньшей мере такая же гнусная, как Пини или Баньяк; что единственный, с позволения сказать, человек, который там живет, – если не считать, конечно, этих батаков, – это вечно пьяный торговый агент, помесь кубу с португальцем, еще больший вор, язычник и скотина, чем чистокровный кубу и чистокровный белый, вместе взятые; и если есть на свете что-нибудь поистине проклятое, так это, сэр, проклятушая жизнь на проклятушей Танамасе. После этого вы, вероятно, спросили бы капитана, зачем же он в таком случае бросил здесь свои проклятые якоря, как будто собирается остаться тут на несколько проклятых дней; тогда он сердито засопел бы и проворчал что-нибудь в том смысле, что «Кандон-Бандунг» не стал бы, разумеется, заходить сюда только за проклятой копррой или за пальмовым маслом; а впрочем, вас, сэр, это совершенно не касается: у меня свои проклятые дела, а вы, сэр, будьте любезны, занимайтесь своими. И капитан разразился бы продолжительной и многословной бранью, приличествующей немолодому, но еще вполне бодрому для своих лет капитану морского судна.

Но если бы вы вместо всяких назойливых расспросов предоставили капитану И. ван Тоху ворчать и ругаться про себя, то вы могли бы узнать побольше. Разве не

видно по его лицу, что он испытывает потребность облегчить свою душу? Оставьте только капитана в покое, и его раздражение само найдет себе выход. «Видите ли, сэр, – разразится он, – эти молодчики у нас в Амстердаме, эти проклятые денежные мешки, вдруг придумали: жемчуг, любезный, поищите, мол, там где-нибудь жемчуг. Теперь ведь все сходят с ума по жемчугу и всякое такое». Тут капитан с озлоблением плюнет. «Ясно – вложить монету в жемчуг. А все потому, что вы, мои милые, вечно хотите воевать либо еще что-нибудь в этом роде. Бойтесь за свои денежки, вот что. А это, сэр, называется – кризис».

Капитан ван Тох на мгновение приостановится, раздумывая, не вступить ли с вами в беседу по экономическим вопросам, – сейчас ведь ни о чем другом не говорят; но здесь, у берегов Танамасы, для этого слишком жарко, и вас одолевает слишком большая лень. И капитан ван Тох махнет рукой и пробурчит: «Легко сказать, жемчуг! На Цейлоне, сэр, его подчистили на пять лет вперед, а на Формозе и вовсе запретили добычу. А они: „Постарайтесь, капитан ван Тох, найти новые месторождения. Загляните на те проклятые островки, там должны быть целые отмели раковин“». Капитан презрительно и шумно высморкается в небесно-голубой носовой платок. «Эти крысы в Европе воображают, будто здесь можно найти хоть что-нибудь, о чем никто еще не знает. Ну и дураки же, прости господи! Еще спасибо, не велели мне заглядывать каждому батаку в пасть – не блестит ли там жемчуг! Новые месторождения! В Паданге есть новый публичный дом, это – да, но новые месторождения?... Я знаю, сэр, все эти острова как свои штаны... От Цейлона и до проклятого острова Клиппертон. Если кто думает, что он найдет здесь что-нибудь, на чем можно заработать, так, пожалуйста, – честь и место! Я плаваю в этих водах тридцать лет, а олухи из Амстердама хотят, чтобы я тут новенькое открыл!» Капитан ван Тох чуть не задохнется при мысли о таком оскорбительном требовании. «Пусть пошлют сюда какого-нибудь желторотого новичка, тот им такое откроет, что они только глазами хлопать будут. Но требовать подобное от человека, который знает здешние места, как капитан И. ван Тох!.. Согласитесь, сэр, в Европе – ну, там еще, пожалуй, можно что-нибудь открыть, но здесь!.. Сюда ведь приезжают только вынюхивать, что бы такое пожрать, и даже не пожрать, а купить-продать. Да если бы во всех проклятых тропиках еще нашлась какая-нибудь вещь, которую можно было бы сбывать за двойную цену, возле нее выстроилась бы куча агентов и махала бы грязными носовыми платками пароходам семи государств, чтобы они остановились. Так-то, сэр. Я, с вашего разрешения, знаю тут все лучше, чем министерство колоний ее величества королевы». Капитан ван Тох сделает усилие, дабы подавить справедливый гнев, что и удастся ему после некоторого более или менее продолжительного кипения. «Видите вон тех двух паршивых лентяев? Это искатели жемчуга с Цейлона, да простит мне бог, сингалезцы в натуральном виде, как их господь сотворил; не знаю только, зачем он это

сделал. Теперь я их вожу с собой и, как найду где-нибудь кусок побережья, на котором нет надписей „Агентство“, или „Батя“, или „Таможенная контора“, пускаю их в воду искать раковины. Тот дармоед, что поменьше ростом, ныряет на глубину восемьдесят метров; на Принцевых островах он выловил на глубине девяносто метров ручку от киноаппарата, но жемчуг – куда там! Ни намека! Никчемный народишко эти сингалезцы. Вот, сэр, какова моя проклятая работа: делать вид, будто я покупаю пальмовое масло, и при этом выискивать новые месторождения раковин жемчужниц. Может, они еще захотят, чтобы я открыл им какой-нибудь девственный континент? Нет, сэр, это не дело для честного капитана торгового флота. И. ван Тох не какой-нибудь проклятый авантюрист, сэр, нет...» И так далее; море велико; а океан времени бесконечен; плюй, братец, в море – воды в нем не прибавится; кляни свою судьбу – а ей нипочем... И вот, после долгих предисловий и отступлений, мы подходим наконец к тому моменту, когда капитан голландского судна «Кандон-Бандунг» И. ван Тох со вздохами и проклятьями садится в шлюпку, чтобы отправиться в кампонг[1 - деревню (малайск.).] на Танамасе и потолковать с пьяным метисом от кубу и португальца о кое-каких коммерческих делах.

– Sorry, Captain[2 - Прошу прощения, капитан (англ.).], – сказал в конце концов метис от кубу и португальца. – Здесь, на Танамасе, никаких раковин не водится. Эти грязные батаки, – произнес он с непередаваемым отвращением, – жрут даже медуз; они живут больше в воде, чем на земле; женщины здесь до того провоняли рыбой, что вы представить себе не можете. Так что я хотел сказать? Ах да, вы спрашивали о женщинах...

– А нет ли тут какого-нибудь кусочка берега, – спросил капитан, – где батаки не лазят в воду?

Метис от кубу и португальца покачал головой:

– Нет, сэр. Разве только Девл-Бей, но это место вам не годится.

– Почему?

– Потому что... туда никому нельзя, сэр. Вам налить, капитан?

– Thanks[3 - Спасибо (англ.).]. Там что, акулы?

– Акулы и... вообще, – пробормотал метис. – Нехорошее место, сэр. Батакам не понравится, если кто-нибудь туда полезет.

– Почему?

– ...Там черти, сэр... Морские черти.

– Это что же такое – морской черт? Рыба?

– Нет, не рыба, – уклончиво ответил метис. – Просто черт, сэр. Подводный черт. Батаки называют его «тапа». Тапа. У них там будто бы свой город, у этих чертей. Вам налить?

– А как он выглядит... этот морской черт?

Метис от кубу и португальца пожал плечами:

– Как черт, сэр... Один раз я его видел. Вернее, только голову. Я возвращался в лодке с Кейп[4 - мыса (англ. cape).] Гаарлем, и вдруг прямо передо мной он высунул из воды свою голову...

– Ну и как? На что это было похоже?

– Башка как у батака, сэр, только совершенно голая.

– Может, это и был батак?

– Нет, сэр. В том месте ни один батак не полезет в воду. А потом, оно... моргало нижними веками, сэр. – Дрожь ужаса пробежала по телу метиса. – Нижними веками, которые у него закрывают весь глаз. Это был тапа.

Капитан И. ван Тох повертел в своих толстых пальцах стакан с пальмовой водкой.

– А вы не были пьяны? Не надрались, часом?

– Был, сэр. Иначе меня не понесло бы туда. Батаки не любят, когда кто-нибудь тревожит этих... чертей.

Капитан ван Тох покачал головой.

– Никаких чертей не существует. А если бы они существовали, то выглядели бы как европейцы. Это была какая-нибудь рыба или что-то в этом роде.

– У рыбы, – пробормотал, запинаясь, метис от кубу и португальца, – у рыбы нет рук, сэр. Я не батак, сэр, я посещал школу в Бадьюнге... и я еще помню, может быть, десять заповедей и другие точные науки; образованный человек всегда распознает, где черт, а где животное. Спросите батаков, сэр.

– Это дикарские суеверия, – объявил капитан, улыбаясь с чувством превосходства образованного человека. – С научной точки зрения это бессмыслица. Черт и не может жить в воде. Что ему там делать? Нельзя, братец, полагаться на болтовню туземцев. Кто-то назвал эту бухту «Чертовым заливом», и с тех пор батаки боятся ее. Так-то, – сказал капитан и хлопнул по столу пухлой ладонью. – Ничего там нет, парень, это ясно с научной точки зрения.

– Да, сэр, – согласился метис, посещавший школу в Бадьюнге, – но здравомыслящему человеку нечего соваться в Девл-Бей.

Капитан И. ван Тох побагровел.

– Что? – крикнул он. – Ты, грязный кубу, воображаешь, что я побоюсь твоих чертей? Посмотрим!

И он прибавил, поднимая со стула все двести фунтов своего мощного тела:

– Ну, нечего терять с тобой время, когда меня ждет бизнес. Однако заметь себе: в голландских колониях чертей не бывает; если же какие и есть, то во французских. Там они, пожалуй, водятся. А теперь позови-ка мне старосту этого проклятого кампонга.

Означенного сановника не пришлось долго искать: он сидел на корточках возле лавчонки метиса и жевал сахарный тростник. Это был пожилой, совершенно

голый человек, гораздо более тощий, чем старосты в Европе. Немного позади, соблюдая подобающее расстояние, сидела на корточках вся деревня, с женщинами и детьми, ожидая, очевидно, что ее будут снимать для фильма.

– Вот что, братец, – обратился капитан ван Тох к старосте по-малайски (с таким же успехом он мог бы обратиться к нему по-голландски или по-английски, так как почтенный старый батак не знал ни слова по-малайски, и метису от кубу и португальца пришлось перевести на батакский язык всю капитанскую речь; капитан, однако, по каким-то соображениям считал наиболее целесообразным говорить по-малайски). – Вот что, братец. Мне нужно несколько здоровых, сильных, храбрых парней, чтобы взять их с собой на промысел. Понимаешь, на промысел.

Метис переводил, а староста в знак понимания кивал головой; после этого он обратился к широкой аудитории и произнес речь, имевшую явный успех.

– Вождь говорит, – перевел метис, – что вся деревня пойдет с туаном[5 - господином (малайск.).] капитаном на промысел, куда будет угодно туану.

– Так. Скажи им теперь, что мы пойдем добывать раковины в Девл-Бей.

Около четверти часа продолжалось взволнованное обсуждение, в котором приняла участие вся деревня, а главным образом – старухи. Затем метис обратился к капитану:

– Они говорят, сэр, что в Девл-Бей идти нельзя.

Капитан начал багроветь.

– А почему нельзя?

Метис пожал плечами.

– Потому что там тапа-тапа. Черти, сэр.

Лицо капитана приобрело лиловый оттенок.

– Тогда скажи им, что, если они не пойдут... я им зубы повыбиваю... я им уши оторву... я их повешу... я сожгу их вшивый кампонг... Понял?

Метис честно перевел все, после чего снова последовало продолжительное и оживленное совещание. Наконец метис сообщил:

– Они говорят, сэр, что пойдут в Паданг жаловаться в полицию и скажут, что туан им угрожал. На это есть будто бы статьи в законе. Староста говорит, что он этого так не оставит.

Капитан И. ван Тох из лилового стал синим.

– Так скажи ему, – взревел он, – что он...

И капитан говорил одиннадцать минут без передышки.

Метис перевел, насколько у него хватило запаса слов, и после новых, хотя и долгих, но уже деловых дебатов передал капитану:

– Они говорят, сэр, что готовы отказаться от жалобы в суд, если туан внесет штраф непосредственно местным властям. Они запросили, – метис заколебался, – двести рупий. Но этого, пожалуй, многовато. Предложите им пять.

Краска на лице капитана начала распадаться на отдельные темно-коричневые пятна. Сначала он изъявил намерение истребить вообще всех батаков на свете, потом снизил свои претензии до трехсот пинков в зад, а под конец готов был удовлетвориться тем, что набьет из старосты чучело для колониального музея в Амстердаме. Батаки, со своей стороны, спустили цену с двухсот рупий до железного насоса с колесом, а под конец уперлись на том, чтобы капитан вручил старосте в виде штрафа бензиновую зажигалку.

– Дайте им, сэр, – уговаривал метис от кубу и португальца, – у меня на складе три зажигалки, хотя и без фитилей...

Так был восстановлен мир на Танамасе. Но капитан И. ван Тох отныне знал, что на карту поставлен престиж белой расы.

Во второй половине дня от голландского судна «Кандон-Бандунг» отчалила шлюпка, в которой находились следующие лица: капитан И. ван Тох, швед Иенсен, исландец Гудмундсон, финн Гиллемайнен и два сингалезских искателя жемчуга. Шлюпка взяла курс прямо на бухту Девл-Бей.

В три часа, когда отлив достиг предела, капитан стоял на берегу, шлюпка крейсировала на расстоянии приблизительно ста метров от побережья, высматривая акул, а оба сингалезских водолаза с ножами в руках ожидали команды.

– Ну, сначала ты, – сказал капитан тому из них, кто был подлиннее. Голый сингалезец прыгнул в воду, пробежал несколько шагов по дну и нырнул. Капитан стал смотреть на часы.

Через четыре минуты двадцать секунд приблизительно в шестидесяти метрах слева показалась из воды бронзовая голова; с непонятной торопливостью, словно цепenea от страха, сингалезец судорожно карабкался на скалы, держа в одной руке нож, а в другой – раковину.

Капитан нахмурился.

– Ну, в чем дело? – резко спросил он.

Сингалезец все еще цеплялся за скалы, не в силах вымолвить от ужаса ни слова.

– Что случилось? – крикнул капитан.

– Саиб, саиб... – прохрипел сингалезец и, тяжело дыша, рухнул на песок. – Саиб, саиб...

– Акулы?

– Джинны, – простонал сингалезец, – черти, господин. Тысячи, тысячи чертей!

Он надавил кулаками на глаза.

– Сплошь черти, господин!

– Дай-ка раковину, – приказал капитан и открыл ее ножом; в ней покоилась маленькая чистая жемчужина. – А больше ничего не нашел?

Сингалезец вынул еще три раковины из мешочка, висевшего у него на шее.

– Там есть раковины, господин, но их стерегут черти... Они смотрели на меня, когда я срезал раковины...

Его курчавые волосы от ужаса встали дыбом.

– Саиб, саиб, здесь не надо!..

Капитан открыл раковины. Две оказались пустыми, а в третьей была жемчужина величиной с горошину, круглая, как шарик ртути. Капитан ван Тох смотрел то на жемчужину, то на сингальца, распростертого на земле.

– Слушай, ты! – нерешительно сказал он. – Не попробуешь ли нырнуть еще разок?

Сингаледец безмолвно затряс головой.

У капитана И. ван Тохы так и чесался язык разразиться бранью, но, к своему удивлению, он заметил, что говорит тихо и почти мягко:

– Не бойся, братец. А как выглядят... эти черти?

– Как маленькие дети, – прошептал сингаледец. – У них сзади хвост, господин, а ростом они – вот такие. – Он показал рукой сантиметров на сто двадцать от земли. – Они стояли вокруг меня и смотрели, что я делаю... Их было много...

Сингаледец весь дрожал.

– Саиб, саиб, не надо здесь!..

Капитан ван Тох задумался.

– А что, моргают они нижними веками или как?

– Не знаю, господин, – пробормотал сингалезец. – Их там... десять тысяч!

Капитан оглянулся на другого сингалезца: тот стоял метрах в полутора и равнодушно ждал команды, обхватив плечи руками; впрочем, когда человек голый, то куда же ему девать руки, как не на собственные плечи? Капитан молча кивнул ему, и маленький сингалезец прыгнул в воду. Через три минуты пятьдесят секунд он вынырнул, цепляясь за скалы трясущимися руками.

– Вылезай! – крикнул капитан, но, приглядевшись внимательнее, помчался, прыгая по камням, к этим отчаянно цепляющимся рукам; трудно было поверить, что такая массивная фигура может выделять подобные пируэты. В последний миг он поймал сингалезца за руку и, пыхтя, вытащил из воды. Потом положил его на камни и отер себе пот со лба. Сингалезец лежал без движения; одна голень у него была ободрана до кости, по-видимому, о камень, но других повреждений не обнаружилось. Капитан приподнял ему веки и увидел только белки закатившихся глаз. Ни раковин, ни ножа при нем не было.

В этот момент шлюпка с экипажем подошла ближе к берегу.

– Сэр, – крикнул швед Иенсен, – здесь акулы! Будете продолжать промысел?

– Нет, – ответил капитан, – подъезжайте сюда и заберите обоих.

– Посмотрите, сэр, – заметил Иенсен, когда они гребли обратно к судну, – как здесь сразу стало мелко. Отсюда тянется ровная отмель до самого берега, – показал он, тыкая веслом в воду, – как будто под водой какая-то плотина.

...Только на судне маленький сингалезец пришел в себя; он сидел, уткнув подбородок в колени, и трясся всем телом. Капитан отослал всех прочь и уселся против него, широко расставив ноги.

– Ну, выкладывай! – сказал он. – Что ты видел?

– Джиннов, саиб, – прошептал маленький сингалезец; теперь у него задрожали даже веки и вся кожа на теле пошла мелкими пупырышками.

Капитан ван Тох сплюнул.

– А... как они выглядят?

– Как... как...

Глаза сингалезца опять начали закатываться. Капитан И. ван Тох с неожиданным проворством дал ему две пощечины – ладонью и тыльной стороной руки, чтобы привести его в себя.

– Thanks, саиб, – прошептал маленький сингалезец, и зрачки его снова выплыли из-под век.

– Тебе лучше?

– Да, саиб.

– Были там раковины?

– Да, саиб.

Капитан И. ван Тох с большим терпением и обстоятельностью продолжал пристрастный допрос. Да, там черти. Сколько? Тысячи и тысячи. Ростом с десятилетнего ребенка, саиб, и почти совершенно черные. Они плавают в воде, а по дну ходят на двух ногах. На двух, саиб, как вы или я, но при этом раскачиваются на ходу – туда-сюда, все время туда-сюда... Да, саиб, у них руки, как у людей... нет, когтей у них нет никаких, скорее похожи на детские руки. Нет, саиб, рогов и шерсти на теле нет. Да, хвосты есть – почти как у рыбы, только без плавников. А головы большие, круглые, как у батаков. Нет, они ничего не говорили, только как будто чмокали... Когда сингалезец срезал раковины на глубине приблизительно шестнадцати метров, он почувствовал как бы прикосновение маленьких холодных пальцев к своей спине. Он оглянулся; их столпилось вокруг него несколько сотен. Несколько сотен, саиб; они плавали или стояли на камнях и смотрели, что делает сингалезец. Он выронил и нож и

раковины и поспешил выплыть на поверхность. При этом он наткнулся на нескольких чертей, которые плыли над ним, а что было потом, он уже не знает, саиб.

Капитан И. ван Тох задумчиво глядел на дрожащего маленького водолаза. «Этот малый, – сказал он себе, – теперь уже ни на что не годится; пошлю его из Паданга домой на Цейлон». Ворча и пыхтя, отправился он в свою каюту. Там он высыпал из бумажного мешочка на стол две жемчужины. Одна была крохотная, как песчинка, другая – величиной с горошину и отливала серебристо-розовым. Капитан голландского судна фыркнул себе под нос и вынул из шкафчика ирландское виски.

К шести часам вечера он снова приказал подать шлюпку и отправился в кампонг, к тому же самому метису от кубу и португальца. «Тодди», – сказал он, и это было единственное произнесенное им слово. Он сидел на веранде, крытой гофрированным железом, держал в толстых пальцах стакан из толстого стекла, пил, отплевывался и, прищурившись, поглядывал из-под косматых бровей на тощих кур, которые клевали неизвестно что на грязном вытоптанном двореке под пальмами. Метис остерегался вымолвить хоть слово и только наполнял стакан. Мало-помалу глаза капитана налились кровью, и пальцы стали плохо повиноваться ему. Были уже сумерки, когда он встал, подтягивая брюки.

– Собираетесь спать, капитан? – вежливо спросил метис от черта и дьявола.

Капитан ткнул пальцем в пространство.

– Хотел бы я посмотреть, – сказал он, – какие такие есть на свете черти, которых бы я еще не видал. Эй ты, где тут этот проклятый северо-запад?

– Там, – показал метис. – Куда вы, сэр?

– В пекло, – хмыкнул капитан И. ван Тох. – Загляну в Девл-Бей.

В этот вечер и начались странности капитана И. ван Тох. Он возвратился в кампонг только к рассвету и, не проронив ни слова, отправился к себе на судно,

где просидел, запершись в своей каюте, до вечера. Это еще никому не показалось странным: «Кандон-Бандунг» должен был погрузить кое-что из благодатных даров острова Танамаса (копра, перец, камфара, каучук, пальмовое масло, табак и рабочая сила). Но когда капитану вечером доложили, что все товары погружены, он только засопел и произнес:

– Шлюпку. В кампонг.

И опять вернулся только с рассветом. Швед Иенсен, который помогал ему подняться на борт, спросил его просто из вежливости:

– Значит, сегодня отплываем, капитан?

Капитан резко обернулся, словно его укололи в зад.

– Тебе-то что? – огрызнулся он. – Занимайся своими проклятыми делами.

В течение целого дня «Кандон-Бандунг» в полной бездеятельности стоял на якоре в полумиле от берега Танамасы. Вечером капитан выкатился из своей каюты и сказал:

– Шлюпку. В кампонг.

Тщедушный грек Запатис уставился на него одним слепым и одним косым глазом.

– Ребята, – прокукарекал он, – наш старик или завел там девчонку, или совсем спятил.

Швед Иенсен нахмурился.

– Тебе-то что? – огрызнулся он на Запатиса. – Занимайся своими проклятыми делами.

Потом он сел с исландцем Гудмундсоном в маленькую шлюпку и стал грести по направлению к Девл-Бей. Они остановились за скалами и начали тихонько ждать, что будет дальше. По берегу залива расхаживал капитан; казалось, что

он кого-то поджидает; время от времени он останавливался и как-то странно цыкал: тс-тс-тс.

– Смотри, – сказал Гудмундсон и указал на море, ослепительно сверкавшее в багряном золоте заката.

Иенсен насчитал два, три, четыре, шесть острых как лезвие плавников, двигавшихся по направлению к Девл-Бей.

– Господи! – пробормотал Иенсен. – Ну и акул же здесь!

То и дело одно из лезвий скрывалось, над волнами взвивался хвост, и в воде начинало что-то сильно бурлить. Капитан И. ван Тох вдруг неистово заметался по берегу, изрыгая проклятия и грозя кулаками в сторону акул. Наступили короткие тропические сумерки, и над островом всплыла луна; Иенсен взялся за весла и приблизился к берегу на расстояние одного фэрлонга. Капитан сидел на скале и цыкал: тс-тс-тс. Что-то шевелилось вокруг него, но что именно – нельзя было различить.

«Похоже на тюленей, – подумал Иенсен, – только тюлени ползают иначе».

«Это» выплывало из воды между скалами и топало по берегу, раскачиваясь из стороны в сторону, как пингвины. Иенсен бесшумно погрузил весла в воду и подъехал к капитану на полфэрлонга. Ага, капитан что-то говорил, но сам черт не разобрал бы, что именно; видимо, по-малайски или по-тамильски. Он размахивал руками, как будто бросал что-то этим тюленям (но это не были тюлени, как убедился Иенсен), и тараторил не то по-китайски, не то по-малайски. В этот момент весло выскользнуло у Иенсена из рук и шлепнулось в воду. Капитан поднял голову, встал и сделал шагов тридцать к воде; блеснул огонь, раздался треск: капитан палил из «браунинга» прямо по шлюпке. Почти в то же мгновение в бухте зашумело, забурило, послышался плеск, словно в воду прыгала тысяча тюленей. Но Иенсен и Гудмундсон уже налегли на весла и погнали свою шлюпку за ближайший выступ с такой быстротой, что только ветер свистел в ушах. Возвратившись на судно, они никому не обмолвились ни словом. Да, северяне умеют молчать! К утру вернулся капитан; он был хмурый и злой, но не произнес ни звука. Только когда Иенсен помогал ему подняться на борт, две пары голубых глаз обменялись холодными пытливыми взглядами.

– Иенсен, – сказал капитан.

– Да, сэр.

– Сегодня отплываем.

– Да, сэр.

– В Сурабае получите расчет.

– Да, сэр.

И все. В тот же день «Кандон-Бандунг» вышел в Паданг. Из Паданга капитан И. ван Тох отправил своему правлению в Амстердам посылку, застрахованную на тысячу двести фунтов стерлингов. И одновременно – телеграфную просьбу о годичном отпуске: настоятельная необходимость ввиду состояния здоровья и тому подобное. После этого капитан слонялся по Падангу, пока не нашел человека, которого искал. Это был дикарь с Борнео, даяк, которого английские туристы нанимали иногда, чтобы полюбоваться своеобразным зрелищем охоты на акул; даяк работал еще по старинке, вооруженный одним только длинным ножом. Он был, по-видимому, людоед, но имел твердую таксу: пять фунтов за акулу, кроме харчей. На него было страшно смотреть: обе руки, грудь и бедра ободраны кожей акулы, а нос и уши украшены акульими зубами. Звали его Шарк[6 - Акула (англ. shark).].

С этим даяком капитан И. ван Тох отправился на остров Танамаса.

2. Пан Голомбек и пан Валента

Стояло засушливое редакционное лето, когда ничего, ну то есть ровно ничего не происходит, когда не делается политика и нет никакой европейской ситуации. Но даже и в такое время читатели газет, лежащие в агонии скуки на берегах каких-нибудь вод или в жидкой тени каких-нибудь деревьев, деморализованные жарой, природой, деревенской тишиной и вообще здоровой и простой жизнью в отпуске, ждут (хотя и терпят каждый день разочарование), что хоть в газетах

появится что-нибудь новенькое, освежающее – например, убийство, война или землетрясение, словом – Нечто; когда же ничего этого не оказывается, они потрясают газетой и с ожесточением заявляют, что в газетах ничего, ровно Ничего нет, и вообще их не стоит читать, и они не будут больше на них подписываться.

А тем временем в редакции сиротливо сидят пять или шесть человек, ибо остальные коллеги в отпуску и тоже яростно комкают газетные листы и жалуются, что теперь в газетах нет ничего, ровно Ничего. А из наборной приходит метранпаж и укоризненно говорит:

– Господа, господа, у нас еще нет на завтра передовой...

– Тогда дайте... ну, хотя бы эту статью... об экономическом положении Болгарии, – говорит один из сиротливых людей.

Метранпаж тяжело вздыхает.

– Но кто же ее станет читать, пан редактор? Опять во всем номере не будет ничего «читабельного».

Шестеро осиротевших поднимают взоры к потолку, словно там можно найти нечто «читабельное».

– Хоть бы случилось что-нибудь, – неопределенно произносит один из них.

– Или если бы... какой-нибудь... увлекательный репортаж, – перебивает другой.

– О чем?

– Не знаю.

– Или выдумать... какой-нибудь новый витамин, – бормочет третий.

– Это летом-то? – возражает четвертый. – Витамины, брат, это для образованной публики, такое больше годится осенью...

– Господи, ну и жара!.. – зевает пятый. – Хорошо бы что-нибудь про полярные страны.

– Но что?

– Да так что-нибудь. Вроде этого эскимоса Вельцля. Обмороженные пальцы, вечная мерзлота и тому подобное.

– Сказать легко, – говорит шестой, – но откуда взять?

И в редакции наступает безнадежная тишина.

– Я был в воскресенье в Иевичке, – нерешительно начал метранпаж.

– Ну и что?...

– Туда, говорят, приехал в отпуск некий капитан Вантох. Он, кажется, оттуда родом. Из Иевичка.

– Какой Вантох?

– А такой толстый. Он, говорят, капитан морского судна, этот Вантох. Рассказывают, он где-то добывал жемчуг.

Пан Голомбек посмотрел на пана Валенту.

– А где он его добывал?

– На Суматре... И на Целебесе... Вообще где-то там. И будто прожил он в тех местах тридцать лет.

– Дружище, это идея! – воскликнул пан Валента. – Может получится репортаж – первый сорт. Поедем, Голомбек?

– Что ж, можно попробовать, – решил Голомбек и слез со стола, на котором сидел.

– Это вон тот господин, – сказал хозяин гостиницы в Иевичке.

В садике за столом, широко расставив ноги, сидел толстый господин в белой фуражке, пил пиво и толстым указательным пальцем задумчиво выводил на столе какие-то каракули. Оба приезжих направились к нему.

– Редактор Валента.

– Редактор Голомбек.

Толстый господин поднял голову.

– What? Что?

– Я – редактор Валента.

– А я – редактор Голомбек.

Толстый господин с достоинством приподнялся.

– Captain ван Тох. Very glad[7 - Очень приятно (англ.)]. Присаживайтесь, ребята.

Оба журналиста охотно присели и положили перед собой блокноты.

– А что будете пить, ребята?

– Содовую с малиновым сиропом, – сказал пан Валента.

– Содовую с сиропом? – недоверчиво переспросил капитан. – Это с какой же стати? Хозяин, принесите-ка нам пива. Так вы чего, собственно, хотите? – спросил он, облокотясь на стол.

– Правда ли, пан Вантох, что вы здесь родились?

– Ja[8 - Да (нем.).]. Родился.

– Будьте так добры, скажите, как вы попали на море?

– Через Гамбург.

– А как давно вы состоите в чине капитана?

– Двадцать лет, парень. Документы тут, – сказал капитан, внушительно похлопывая по боковому карману. – Могу показать.

Пану Голомбеку хотелось посмотреть, как выглядят капитанские документы, но он подавил это желание.

– За эти двадцать лет, пан капитан, вы, конечно, многое успели повидать?

– Ja. Порядочно.

– А что именно?

– Ява. Борнео. Филиппины. Острова Фиджи. Соломоновы острова. Каролины, Самоа. Damned Clipperton Island. A lot of damned islands[9 - Проклятый остров Клиппертон. Кучу проклятых островов (англ.).], парень! А что?

– Нет, я просто так... это очень интересно. Нам бы хотелось услышать от вас побольше, понимаете?

– Ja... Стало быть, просто так, а? – Капитан уставился на него светло-голубыми глазами. – Значит, вы из... как это? из полиции?... полиции, а?

– Нет, пан капитан, мы из газеты.

– Ах, вот оно что! Из газеты. Репортеры? Ну так пишите: Captain I. van Toch, капитан судна «Кандон-Бандунг»...

– Как?

– «Кандон-Бандунг», порт Сурабая. Цель поездки – vacances... как это называется?

– Отпуск.

– Ja, черт побери, отпуск. Вот так и дайте в хронику о вновь прибывших. А теперь, ребята, спрячьте ваши блокноты. Your health! [10 - Ваше здоровье! (англ.)]

– Пан Вантох, мы... приехали к вам, чтобы вы нам рассказали что-нибудь из вашей жизни.

– Это зачем же?

– Мы опишем в газете. Публике будет очень интересно почитать о далеких островах и о том, что там видел и пережил наш земляк, чех, уроженец Иевичка.

Капитан кивнул головой:

– Это верно. Я, братцы, единственный captain на весь Иевичек. Это да! Говорят, есть еще один капитан... капитан... карусельных лодочек, но я считаю, – добавил он доверительно, – что это ненастоящий капитан. Ведь все дело в тоннаже, понимаете?

– А какой тоннаж у вашего парохода?

– Двенадцать тысяч тонн, парень!

– Так что вы были солидным капитаном?

– Ja, солидным, – с достоинством проговорил капитан. – Деньги у вас, ребята, есть?

Оба журналиста несколько неуверенно переглянулись.

– Есть, но мало. А вам нужны деньги, капитан?

– Ja. Нужны.

– Видите ли, если вы нам расскажете что-нибудь подходящее, мы сделаем из этого очерк, и вы получите деньги.

– Сколько?

– Ну, пожалуй... может быть, тысячу, – щедро пообещал пан Голомбек.

– Фунтов стерлингов?

– Нет, только крон.

Капитан ван Тох покачал головой:

– Ничего не выйдет. Столько у меня и у самого есть. – Он вытащил из кармана толстую пачку банкнот. – See?[11 - Видали? (англ.)]

Потом он облокотился о стол и наклонился к обоим журналистам:

– Я бы предложил вам, господа, а big business. Как это называется?

– Крупное дело.

– Ja. Крупное дело. Но вы должны дать мне пятнадцать... нет, постойте, не пятнадцать – шестнадцать миллионов крон. Ну как?

Оба приезжих снова неуверенно переглянулись. Журналистам нередко приходится иметь дело с самыми причудливыми разновидностями сумасшедших, изобретателей и аферистов.

– Стоп, – сказал капитан, – я могу вам кое-что показать.

Он порывшись толстыми пальцами в жилетном кармане, вытащил оттуда что-то и положил на стол. Это были пять розовых жемчужин, каждая величиной с

вишневую косточку.

– Сколько это может стоить? – прошептал пан Валента.

– O, lots of money[12 - кучу денег (англ.)], ребята. Но я ношу это с собою только... чтобы показывать, в виде образца. Ну, так как же, по рукам?... – спросил капитан, протягивая свою широкую ладонь через стол.

Пан Голомбек вздохнул.

– Пан Вантох, столько денег...

– Halt![13 - Стоп! (нем.)] – перебил капитан. – Понимаю, ты меня не знаешь. Но спроси о captain van Toch в Сурабае, в Батавии, в Паданге или где хочешь. Поезжай, спроси, и всякий скажет тебе – ja, captain van Toch, he is as good as his word[14 - капитан ван Тох всегда верен своему слову (англ.)].

– Пан Вантох, мы вам верим, – запротестовал Голомбек, – но только...

– Стоп, – скомандовал капитан. – Понимаю, ты не хочешь выложить свои денежки неизвестно на что; хвалю тебя за это, парень. Но ты их дашь на пароход, see? Ты купишь пароход, будешь ship-owner[15 - судовладельцем (англ.)] и сможешь сам плавать на нем. Да, можешь плавать, чтобы самому видеть, как я веду дело. Но деньги, которые мы сделаем, разделим fifty-fifty[16 - пополам (англ.)]. Честный business, не так ли?

– Но, пан Вантох, – вымолвил наконец с некоторым смущением пан Голомбек, – ведь у нас нет таких денег...

– Ja, ну тогда другое дело, – сказал капитан. – Sorry. Тогда не понимаю, господа, зачем вы ко мне приехали.

– Чтобы вы нам рассказали что-нибудь, капитан. У вас ведь, наверное, большой опыт...

– Ja, это есть. Проклятого опыта у меня достаточно.

– Приходилось вам когда-нибудь терпеть кораблекрушение?

– What? A-a, ship-wrecking? Нет. Что выдумал! Если ты дашь мне хорошее судно, с ним ничего не может случиться. Можешь запросить в Амстердаме references[17 - рекомендации (англ.).] обо мне. Поезжай и справься.

– А как насчет туземцев? Встречали вы туземцев?

Капитан ван Тох покачал головой.

– Это не для образованных людей. Об этом я рассказывать не стану.

– Тогда расскажите нам о чем-нибудь другом.

– Да, расскажите... – недоверчиво проворчал капитан. – А вы потом продадите это какой-нибудь компании, и она пошлет туда свои суда. Я тебе скажу, my lad[18 - парень (англ.)], люди – большие жулики. А самые большие жулики – это банкиры в Коломбо.

– А вы часто бывали в Коломбо?

– Ja, часто. И в Бангкоке, и в Маниле... Слушайте, ребята, – неожиданно сказал капитан. – Я знаю одно судно. Шикарная посудина, и цена недорогая. Стоит в Роттердаме. Съездите, посмотрите. До Роттердама ведь рукой подать. – Он ткнул пальцем через плечо. – Нынче, ребята, суда ужасно дешевы. Как железный лом. Ему всего шесть лет, двигатель Дизеля. Не хотите взглянуть?

– Не можем, пан Вантох...

– Странные вы люди, – вздохнул капитан и шумно высморкался в небесно-голубой носовой платок. – А не знаете ли вы тут кого-нибудь, кто хотел бы приобрести судно?

– Здесь, в Иевичке?

– Ja, здесь или где-нибудь поблизости. Я хотел бы, чтобы эти крупные доходы потекли сюда, на my country[19 - мою родину (англ.)].

– Это очень мило с вашей стороны, капитан...

– Ja. Остальные-то уж очень большие жулики. И денег у них нет. Раз вы из newspaper[20 - газеты (англ.)], то должны знать здешних видных людей; всяких банкиров и ship-owners, как это называется, – судохозяева, что ли?

– Судовладельцы. Мы таких не знаем, пан Вантох.

– Жаль, – огорчился капитан.

Пан Голомбек что-то вспомнил.

– Вы, пожалуй, не знаете пана Бонди?

– Бонди? Бонди? – перебирал в памяти капитан ван Тох. – Постой. Я как будто слышал эту фамилию. Ja, в Лондоне есть Бонд-стрит, вот где чертовски богатые люди! Нет ли у него какой-нибудь конторы на Бонд-стрит, у этого пана Бонди?

– Нет, он живет в Праге, а родом, кажется, отсюда, из Иевичка.

– А, черт подери! – обрадованно воскликнул капитан. – Ты прав, парень! У него еще была галантерейная лавка на базаре. Бонди... как его звали?... Макс! Макс Бонди. Так он теперь торгует в Праге?

– Нет, это, вероятно, был его отец. Теперешнего Бонди зовут Г.Х. Президент Г.Х. Бонди, капитан.

– Г.Х.? – покрутил головой капитан. – Г.Х.? Здесь не было никакого Г.Х. Разве только это Густль Бонди, но он вовсе не был президентом. Густль – это был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик. Нет, не может быть, чтоб это был он.

– Это, наверное, он, пан Вантох. Ведь уже сколько лет, как вы его не видали!

– Ja, это верно. Много лет!.. – согласился капитан. – Сорок лет, братец. Так что, возможно, Густль теперь уже вырос. А что он делает?

– Он председатель правления МЕАС – знаете, это крупные заводы по производству котлов и тому подобное. Ну и, кроме того, председатель еще около двадцати компаний и трестов. Очень большой человек, пан Вантох. Его называют капитаном нашей промышленности.

– Капитаном?... – изумился captain ван Тох. – Значит, я не единственный капитан из Иевичка? Черт возьми, так Густль, значит, тоже captain! Надо бы с ним встретиться. А деньги у него есть?

– Ого! Горы денег. У него, пан Вантох, наверное, несколько сот миллионов. Самый богатый человек у нас.

Капитан ван Тох стал очень серьезен.

– И тоже captain! Ну, спасибо, парень. Тогда я к нему поплыву, к этому Бонди. Ја, Густль Бонди. I know[21 - Я знаю (англ.)]. Такой был маленький еврейский мальчик. А теперь captain Г.Х. Бонди. Ја, ја, как бежит время!.. – меланхолически вздохнул он.

– Пан капитан, нам пора... как бы не пропустить вечерний поезд...

– Так я вас провожу на пристань, – сказал капитан и начал сниматься с якоря. – Очень рад, что вы заехали ко мне, господа. Я знаю одного редактора в Сурабае; славный парень, ја, а good friend of mine[22 - мой большой друг (англ.)]. Пьяница страшный, ребята. Если хотите, я устрою вас в газете в Сурабае. Нет? Ну, как хотите.

Когда поезд тронулся, капитан медленно и торжественно помахал огромным голубым платком. При этом у него выпала на песок большая жемчужина неправильной формы. Жемчужина, которая никем и никогда не была найдена.

3. Г.Х. Бонди и его земляк

Как известно, чем более высокое положение занимает человек, тем меньше написано на его дверной дощечке. Старому Макс Бонди надо было намалевать большими буквами у себя над лавочкой, по обеим сторонам дверей и на окнах, что здесь помещается Макс Бонди, торговля всевозможными галантерейными и мануфактурными товарами – приданое для невест, ткани, полотенца, салфетки, скатерти и покрывала, ситец и батист, сукна высшего сорта, шелк, занавеси, ламбрекены, бахрома и всякого рода швейный приклад. Существует с 1885 года. У входа в дом его сына, Г.Х. Бонди, капитана промышленности, президента компании MEAC, коммерции советника, члена биржевого комитета, вице-председателя союза промышленников, Consulado de la Rep^ublica Ecuador[23 - консула Республики Эквадор (исп.)], члена многочисленных правлений и т. д. и т. д., висит только маленькая черная стеклянная дощечка, на которой золотыми буквами написано:

БОНДИ

И больше ничего. Пусть другие пишут у себя на дверях: «Юлиус Бонди, представитель фирмы „Дженерал моторс“», или «Доктор медицины Эрвин Бонди», или «С. Бонди и К°», но есть только один-единственный Бонди, который – просто Бонди, без лишних пояснений. (Я думаю, что на дверях у папы римского написано просто Пий, без всякого титула и даже без порядкового номера. А у бога так и вовсе нет дощечки ни на небе, ни на земле; каждый сам должен знать, что он тут проживает. Впрочем, все это к делу не относится и замечено только так, мимоходом.)

Перед этой-то стеклянной дощечкой и остановился в знойный день господин в белой морской фуражке, вытирая свой мощный затылок голубым платком. «Ну и важный же дом, черт побери», – подумал он и несколько неуверенно потянулся к медной кнопке звонка.

В дверях показался швейцар Повондра, смерил толстого господина взглядом – от башмаков до золотого позумента на фуражке – и сдержанно осведомился:

– К вашим услугам?

– Вот что, братец, – сказал господин, – здесь живет некий пан Бонди?

– Что вам угодно? – ледяным тоном спросил пан Повондра.

– Передайте ему, что с ним хотел бы поговорить captain van Toch из Сурабаи. Ja, – вспомнил он, – вот моя карточка.

И он вручил пану Повондре визитную карточку, на которой был изображен якорь и напечатано следующее:

[24 - Капитан И. ван Тох, О[ст]-И[ндская] и Т[ихоокеанская] п[ароходная] ко[мпания], судно «Кандон-Бандунг», Сурабая, Морской клуб (англ.).]

Пан Повондра наклонил голову и погрузился в раздумье. Сказать, что пана Бонди нет дома? Или что у пана Бонди, к сожалению, сейчас важное совещание? Есть визитеры, о которых надо докладывать, и есть такие, с которыми дельный швейцар справляется сам. Пан Повондра мучительно чувствовал, что инстинкт, которым он в подобных случаях руководствовался, дал на сей раз осечку. Толстый господин как-то не подходил под обычные категории незваных посетителей и, по-видимому, не был ни коммивояжером, ни представителем благотворительного общества. А капитан ван Тох сопел и вытирал платком лысину и при этом так простодушно щурил свои светло-голубые глаза, что пан Повондра внезапно решился принять на себя всю ответственность.

– Пройдите, пожалуйста, – сказал он, – я доложу о вас пану советнику.

Captain И. ван Тох, вытирая лоб голубым платком, разглядывал вестибюль. Черт возьми, какая обстановка у этого Густля; здесь прямо как в салоне парохода, делающего рейсы от Роттердама до Батавии. Должно быть, стоило уйму денег. А был такой маленький веснушчатый еврейский мальчик, изумлялся капитан.

Тем временем Г.Х. Бонди задумчиво рассматривал у себя в кабинете визитную карточку капитана.

– Что ему надо? – подозрительно спросил он.

– Простите, не знаю, – почтительно пробормотал Повондра.

Пан Бонди продолжал вертеть в руках визитную карточку. Корабельный якорь. Captain И. ван Тох, Сурабая, – где она, собственно, Сурабая? Кажется, где-то на Яве? На пана Бонди повеяло дыханием неведомой дали. «Кандон-Бандунг» – это звучит как удары гонга. Сурабая... И сегодня, как нарочно, такой тропический день... Сурабая...

– Ладно, проводите его сюда, – приказал пан Бонди.

В дверях остановился мощного сложения человек в капитанской фуражке и отдал честь. Г.Х. Бонди двинулся ему навстречу.

– Very glad to meet you, captain. Please, come in![25 - Очень рад познакомиться с вами, капитан. Войдите, пожалуйста! (англ.)]

– Здравствуйте! Добрый день, пан Бонди! – радостно воскликнул капитан.

– Вы чех? – удивился пан Бонди.

– Ja, чех. Да ведь мы знакомы, пан Бонди. По Иевичку. Лавочник Вантох – do you remember?[26 - помните? (англ.)]

– Верно, верно! – шумно обрадовался Г.Х. Бонди, почувствовав, однако, некоторое разочарование (значит, он не голландец!). – Лавочник Вантох на площади, как же! Но вы несколько не изменились, пан Вантох. Такой же, как и прежде! Ну, как идет торговля мукой?

– Thanks, – вежливо ответил капитан, – папаша, как говорится, давно приказал долго жить...

– Умер? Так, так. Впрочем, что я, ведь вы, конечно, его сын...

Глаза пана Бонди оживились от внезапной догадки.

– Послушайте, дорогой, а не тот ли вы Вантох, который дрался со мной в Иевичке, когда мы были мальчишками?

– Да, он самый, – с важностью подтвердил капитан. – За это меня и отправили из дому в Моравскую Остраву.

– Да, мы с вами частенько дрались. Но вы были сильнее, – признал Бонди с лояльностью спортсмена.

– Да, я был сильнее. Вы ведь были таким слабеньким мальчиком, пан Бонди. И вам здорово доставалось по заду. Здорово доставалось.

– Доставалось, верно, – растроганно вспоминал Г.Х. Бонди. – Садитесь же, земляк! Вот хорошо с вашей стороны, что вы обо мне вспомнили. Откуда вы вдруг взялись?

Капитан ван Тох с достоинством уселся и положил фуражку на пол.

– Я провожу здесь свой отпуск, пан Бонди. Н-да, так-то! That's so!..[27 - Так-то! (англ.)]

– Помните, – погрузился в воспоминания пан Бонди, – как вы кричали мне: «Жид, жид, за тобою черт бежит!..»

– Ја, – сказал капитан и с чувством затрубил в носовой платок. – Ах, ја! Хорошее это было время. Но что из того, если оно так быстро проходит! Теперь мы оба старики, и оба captains.

– В самом деле, вы ведь капитан, – спохватился пан Бонди. – Кто бы мог подумать! Captain of long distances[28 - Капитан дальнего плавания (англ.)], ведь так это называется?

– Yes, sir. A Highseaer. East India and Pacific lines, sir[29 - Да, сэр. Плаваю в открытом море, Ост-Индия и Тихоокеанские линии, сэр (англ.)].

– Хорошая профессия, – вздохнул пан Бонди. – Я бы с вами охотно поменялся, капитан. Вы должны мне рассказать о себе.

– О да, – оживился капитан. – Я хотел бы рассказать вам кое-что, пан Бонди. Очень интересная штука, парень.

Капитан ван Тох беспокойно поглядел по сторонам.

– Вы что-нибудь ищите, капитан?

– Ја. Ты пива не хочешь, пан Бонди? У меня в горле пересохло, пока я добирался домой из Сурабаи.

Капитан стал рыться в обширных карманах своих брюк и вытащил голубой носовой платок, холщовый мешочек с чем-то, кисет с табаком, нож, компас и пачку банкнот.

– Я бы послал кого-нибудь за пивом, – сказал он. – Пожалуй, того стюарда, что проводил меня в эту каюту.

Пан Бонди позвонил.

– Не беспокойтесь, капитан. А пока закурите сигару.

Капитан взял сигару с красно-золотым бумажным колечком и понюхал ее.

– Табак из Ломбока. Там страшные жулики, ничего не попишешь.

И, к великому ужасу пана Бонди, он раздавил драгоценную сигару в своей мощной длани и набил искрошенным табаком трубку.

– Да, Ломбок. Или Сумба.

В дверях неслышно появился Повондра.

– Принесите пива, – распорядился Бонди.

Повондра поднял брови.

– Пива? Сколько?

– Галлон, – буркнул капитан и, швырнув обгоревшую спичку на ковер, затоптал ее ногой. – В Адене было, брат, ужасно жарко. А у меня есть для вас новость, пан Бонди. Зондский архипелаг, see?[30 - понимаете? (англ.)] Там, сэр, можно открыть сказочное дело. A big business. Но, пожалуй, надо рассказать с самого начала эту... как называется – story, что ли?

– Рассказ?

– Ја. Один рассказик. Постой.

Капитан поднял свои незабудковые глаза к потолку.

– Просто не знаю, с чего начать.

(Опять какие-нибудь торговые дела, – подумал Г.Х. Бонди, – господи, какая тоска! Будет убеждать меня, что мог бы поставлять швейные машины в Тасманию или паровые котлы и булавки на Фиджи. Сказочная торговля, еще бы! Для того я вам и нужен. К черту! Я не лавочник. Я мечтатель. Я в своем роде поэт. Расскажи мне, Синдбад-мореход, о Сурабае или об островах Феникса. Не притягивал ли тебя Магнитный Утес, не уносила ли тебя в свое гнездо птица Нох? Не возвращаешься ли ты с грузом жемчуга, корицы и безоара? Ну же, приятель, начинай свое вранье!)

– Пожалуй, начну с ящера, – объявил капитан.

– С какого ящера? – изумился коммерции советник Бонди.

– Ну, с этих – скорпионов. Как это называется – lizards?

– Ящерицы?

– Да, черт, ящерки. Там есть такие ящерки, пан Бонди.

– Где?

– Там, на одном острове. Я не могу его назвать, парень. Это очень большой секрет, worth of millions[31 - цена ему – миллионы (англ.)].

Капитан ван Тох вытер лоб носовым платком.

– Где же, черт возьми, пиво?

– Сейчас будет, капитан.

– Ја. Ладно. К вашему сведению, пан Бонди, они очень милые и славные зверьки, эти ящерки. Я их, брат, знаю! – Капитан с жаром хлопнул рукой по столу. – А насчет того, что они черти, так это ложь! A damned lie, sir![32 - Проклятая ложь, сэр! (англ.)] Скорее вы сами черт или я черт, я, captain ван Тох! Можете мне поверить.

Г.Х. Бонди испугался. «Делириум, – подумал он. – Куда делся этот проклятый Повондра?»

– Их там несколько тысяч, этих ящерок. Но их здорово жрали эти... черт... эти, ну как они там называются... sharks...

– Акулы?

– Да, акулы. Вот почему эти ящерки так редко встречаются: только в единственном месте, в том заливе, который я не могу назвать.

– Значит, эти ящерицы живут в море?

– Ја, в море. Только ночью они вылезают на берег, но очень ненадолго...

– А как они выглядят? – Пан Бонди пытался выиграть время, пока вернется этот проклятый Повондра.

– Ну, величиной они с тюленей, но когда встают на задние лапки, тогда они вот такого роста, – показал капитан. – Нельзя сказать, чтоб они были красивы. У них нет никакой шелухи.

– Чешуи?

– Да, скорлупок. Они совершенно голые, пан Бонди, точно какие-нибудь жабы или саламандры. А передние лапки у них совсем как детские ручонки, только пальцев на каждой всего четыре. Бедненькие! – жалостливо прибавил капитан. – Но очень смышленные и милые зверьки, пан Бонди.

Капитан опустил на корточки и начал раскачиваться в такой позе.

– Вот как они переваливаются, эти ящерки.

Сидя на корточках, капитан усиленно старался придать своему могучему телу волнообразные движения; руки он протянул вперед, словно собачка, которая «служит»; его небесно-голубые глаза не отрывались от пана Бонди и, казалось, умоляли о сочувствии. Г.Х. Бонди почувствовал волнение и как-то по-человечески устыдился. В довершение всего в дверях неслышно появился пан Повондра с кувшином пива и возмущенно поднял брови при виде неприличного поведения капитана.

– Давайте пиво и уходите, – скороговоркой выпалил Г.Х. Бонди.

Капитан поднялся, отдуваясь.

– Вот какие это зверьки, пан Бонди. Your health, – сказал он и выпил пива. – Пиво у тебя, парень, хорошее. Впрочем, когда имеешь такой дом...

И капитан вытер усы.

– А как вы нашли этих ящериц, капитан?

– Об этом как раз и будет мой рассказик, пан Бонди. Случилось так, что я искал жемчуг на Танамасе... – Капитан сразу осекся. – Или где-то еще... Ја, это был другой остров, пока это мой секрет, парень. Люди страшные жулики, пан Бонди, и надо держать язык за зубами... Так вот, когда эти два проклятых сингалезца срезали под водой жемчужные shells...

– Раковины?

– Ја. Такие раковины; они прилипают к камням, как прилипалы, и их приходится срезать ножом. Так вот, ящерки смотрели на сингалезцев, а сингалезцы думали, что это морские черти. Очень необразованный народ эти сингалезцы и батаки. И говорят мне: там, мол, черти. Ја.

Капитан мощно затрубил в носовой платок.

– Понимаешь, брат, тут уж не успокоишься. Я не знаю, одни ли только мы, чехи, такой любопытный народ, но где бы я ни повстречал земляка, он обязательно всюду сует свой нос, чтобы узнать, что там такое. Я думаю, это оттого, что мы, чехи, ни во что не хотим верить. Вот и я вбил в свою старую глупую голову, что должен рассмотреть этих чертей поближе. Правда, я был выпивши, но нагрузился я потому, что эти идиотские черти не выходили у меня из головы. Там, на экваторе, многое, брат, возможно. Значит, отправился я вечером в этот самый Девл-Бей.

Пан Бонди попытался представить себе тропическую бухту, окруженную скалами и девственным лесом.

– Ну и дальше?

– И вот, сижу я там и зову: тс-тс-тс – чтобы черти вышли. И что ж ты думаешь, вскоре вылезла из моря одна такая ящерка, стала на задние ножки и завертела всем телом. И цыкает на меня: тс-тс-тс. Если бы я не был выпивши, я бы, наверное, в нее выстрелил; но я, дружище, нализался, как англичанин, и вот я говорю: поди, поди сюда, ты, tara-boy[33 - тапа-парень (англ.)], я тебе ничего не сделаю.

– Вы говорили с ней по-чешски?

– Нет, по-малайски. Там, брат, чаще всего говорят по-малайски. Ну, она ничего. Только переминается этак с ноги на ногу и вертится, как ребенок, когда он стесняется. А вокруг в воде было несколько сот этих ящерок, они высунули из воды свои мордочки и смотрят. А я (правда, я был выпивши) тоже присел на корточки и стал вертеться, как эта ящерка, чтобы они меня не боялись. А потом вылезла из воды еще одна ящерка, ростом с десятилетнего мальчугана, и тоже начала так переваливаться. А в передней лапке она держала жемчужницу. –

Капитан отпил пива. – Ваше здоровье, пан Бонди. Я был, правда, пьян вдрызг, так вот я и говорю ей: ах ты, хитрюга, ты как будто хочешь, чтобы я открыл тебе эту раковину, ја? Так поди сюда, я ее открою ножом. Но она – ничего, все не решалась. Тогда я снова начал вертеться, словно маленькая девочка, которая кого-то стыдится. И вот она притопала поближе, а я потихоньку протягиваю руку и беру раковину у нее из лапки. По совести говоря, трусили мы оба, это ты, пан Бонди, можешь себе представить; но я был, правда, пьян. Взял я свой нож и открыл раковину; пощупал пальцем, нет ли жемчужины, но там ничего не было, кроме противной слизи – такой слизистый моллюск, что живет в этих раковинах. Ну вот, на, говорю, тс-тс-тс, жри себе, если хочешь. И кидаю ей открытую раковину. Ты бы посмотрел, как она ее вылизывала! Должно быть, для тех ящеров это особенный tit-bit – как это называется?

– Лакомство...

– Да, лакомство. Только они, бедняжки, не могут своими пальчиками справиться с твердыми скорлупками. Да, тяжелая жизнь... – Капитан выпил пива. – Я, брат, потом все обмозговал. Когда ящерки увидели, как сингалезцы срезают раковины, они, вероятно, подумали: ага, они их будут жрать. И хотели посмотреть, как сингалезцы их открывают. Эти сингалезцы в воде здорово смахивают на ящерок, только ящерка умнее сингалезца или батака, потому что хочет чему-нибудь научиться. А батак никогда ничему не научится, разве что воровать, – с горечью добавил капитан ван Тох. – А когда я на берегу звал – тс-тс-тс – и вертелся, как ящерка, они, наверно, подумали, что я большая саламандра, и поэтому не побоялись подойти ко мне, чтобы я открыл им раковину. Вот какие это умные и доверчивые зверьки.

Капитан ван Тох покраснел.

– Когда я с ними познакомился ближе, пан Бонди, я стал раздеваться донага, чтобы быть совсем как они, ну, то есть голым; но им показалось очень странным, что у меня волосы на груди и... всякое такое... Ја.

Капитан провел носовым платком по загорелой шее.

– Но я не знаю, не слишком ли длинно я рассказываю, пан Бонди?

Г.Х. Бонди был очарован.

– Нет, нисколько. Продолжайте, капитан.

– Ладно. Так вот, когда эта ящерка вылизывала раковину, другие, глядя на нее, тоже полезли на берег. У некоторых были раковины в лапах. Как им удалось оторвать их от cliffs[34 - рифов (англ.).] своими детскими ручонками, да еще без больших пальцев, это, брат, просто удивительно. Сначала они стеснялись, а потом позволили брать у них из лапок эти раковины. Правда, не все были жемчужницы; так просто, всякая дрянь, никудышные устрицы и тому подобное; но я такие раковины швырнул в воду и говорю: «Э, нет, дети, это ничего не стоит, это я вам своим ножом открывать не буду». Зато когда попадалась жемчужница, я открывал ее ножом и щупал, нет ли жемчужины. А раковины отдавал им вылизывать. К тому времени вокруг сидело уже несколько сот этих lizards и смотрело, как я открываю раковины. А некоторые пробовали сами вскрыть раковину какой-то скорлупкой, которая там валялась. Это, брат, меня и удивило. Ни одно животное не умеет обращаться с инструментами. Что поделаешь, животные – они и есть животные, таков закон природы. Правда, я видел в Байтензорге обезьяну, которая умела открывать ножом такой tin, то есть жестянку с консервами. Но обезьяна, сэр, какое же это животное! Недоразумение одно. Нет, правда, я был поражен. – Капитан выпил пива. – В ту ночь, пан Бонди, я нашел в тех shells восемнадцать жемчужин. Там были крохотные и побольше, а три были величиной с вишневую косточку, пан Бонди. С косточку. – Капитан ван Тох с важностью кивнул головой. – Когда я утром вернулся на судно, я сказал себе: captain ван Тох, это тебе, конечно, только померещилось, сэр; ты, сударь, был выпивши и тому подобное. Но какой толк в рассуждениях, когда у меня в мешочке лежали восемнадцать жемчужин?

– Это самый лучший рассказ, какой я когда-либо слыхал, – прошептал пан Бонди.

– Вот видишь, брат! – обрадованно сказал капитан. – Днем я все это обмозговал. Я приручу и выдрессирую этих ящерок, и они будут носить мне pearlshells[35 - жемчужницы (англ.).]. Должно быть, ужас сколько этих раковин там, в Девл-Бей. Ну, вечером я отправился туда снова, но чуточку пораньше. Когда солнце садится, ящерики высовывают из воды свои мордочки и тут и там – словом, по всей бухте. Сижу это я на берегу и зову: тс-тс-тс! Вдруг вижу – акула, то есть только ее плавник торчит из воды. А потом – всплеск, и одной ящерики как не бывало. Я насчитал двенадцать штук этих акул, пливших тогда при заходе солнца в Девл-Бей. Пан Бонди, эти сволочи за один вечер сожрали больше двадцати моих ящерок!.. – воскликнул капитан и яростно высморкался. – Да, больше двадцати! Ясно ведь, такая голая ящерка своими лапками не отобьется

от акулы. Я чуть не плакал, глядя на это. Видел бы ты все это, парень...

Капитан задумался.

– Я ведь очень люблю животных, – произнес он наконец и поднял свои лазурные глаза на Г.Х. Бонди. – Не знаю, как вы смотрите на это, captain Бонди.

Пан Бонди кивнул в знак согласия.

– Вот это хорошо, – обрадовался капитан ван Тох. – Они очень славные и умные, эти tара-boys. Когда им что-нибудь рассказываешь, они смотрят так внимательно, как собака, которая слушает, что ей говорит хозяин. А главное – эти их детские ручонки... Понимаешь, брат, я старый холостяк, и семьи у меня нет... Ja, старому человеку тоскливо одному... – бормотал капитан, преодолевая свое волнение. – Ужасно милые эти ящерки, ничего не поделаешь... Если бы только акулы не пожирали их!.. И знаешь, когда я кидал в них, то есть в акул, камнями, они тоже начали кидать, эти tара-boys. Ты просто не поверишь, пан Бонди! Конечно, далеко они кинуть не могли, потому что у них чересчур короткие ручки. Но это, брат, прямо поразительно! Уж если вы такие молодцы, ребята, говорю я, попробуйте тогда открыть моим ножом раковину. И кладу нож на землю. Они сначала стеснялись, а потом одна ящерка попробовала и давай втыкать острое ножа между створок. Надо взломать, говорю, взломать, see? Вот так повернуть нож – и готово. А она все пробует, бедняжка... И вдруг хрустнуло, и раковина открылась. Вот видишь, говорю. Вовсе это не так трудно. Если это умеет какой-нибудь язычник – батак или сингалезец, так почему этого не сумеет сделать tара-boy, верно? Я не стал, конечно, говорить ящеркам, что это сказочное magwel[36 - чудо (англ.).] и удивительно, когда это делают такие животные. Но вам я могу сказать, что я был... я был... ну совершенно thunderstruck.

– Ошеломлен, – подсказал пан Бонди.

– Ja, richtik[37 - правильно (нем. диалект).]. Ошеломлен. И так это у меня засело в голове, что я задержался там с моим судном еще на день. И вечером опять отправился туда, в Девл-Бей, и опять смотрел, как акулы жрут моих ящерок. В ту ночь я поклялся, что так этого не оставлю. И им я тоже дал свое честное слово, пан Бонди. «Тара-boys, – сказал я, – captain И. ван Тох обещает вам здесь, под этими огромными звездами, что он вам поможет».

4. Коммерческое предприятие капитана ван Тоха

Капитан ван Тох рассказывал с таким пылом и увлечением, что волосы у него на затылке взъерошились.

– Ja, сэр, я дал такую клятву. С той поры я, брат, не имел ни минуты покоя. В Паданге я взял отпуск и послал господам в Амстердаме сто пятьдесят семь жемчужин – все, что мне натаскали мои зверьки. Потом я разыскал одного такого парня: это был даяк, shark-killer[38 - истребитель акул (англ.)], он убивал акул в воде ножом. Страшный вор и убийца этот даяк. Вместе с ним на маленьком tramp[39 - пароходе (англ.)] я вернулся опять на Танамасу и говорю – мол, теперь, fella[40 - приятель (от англ. fellow).], ты будешь тут своим ножом убивать акул. Я хотел, чтобы он истребил там акул и мои ящерки обрели покой. Он был такой разбойник и язычник, этот даяк, что tapa-boys были ему нипочем. Черт или не черт, это было ему все равно. А я тем временем производил observations и experiments[41 - наблюдения и опыты (англ.)] над lizards. Постойка, у меня есть судовой журнал, в котором я каждый день делал записи.

Капитан вытащил из нагрудного кармана объемистую записную книжку и начал ее перелистывать.

– Какое у нас сегодня число? Ага, двадцать пятое июня. Возьмем тогда, например, двадцать пятое июня. Это было, значит, в прошлом году. Да, вот оно. «Даяк убил акулу. Lizards страшно интересуются этой дохлой дрянью. Тоби...» Это был маленький ящерка, замечательно умный, – пояснил капитан, – пришлось дать им имена, понимаешь? Чтобы я мог писать о них в этой книжке. Так вот: «Тоби сунул пальцы в рану, нанесенную ножом. Вечером они носили сухие ветки для моего костра». Ну, это вздор, – буркнул капитан, – я поищу какой-нибудь другой день. – Скажем, двадцатое июня, а? «Lizards продолжали строить»... этот... этот... как это называется – jetty?

– Плотину?

– Ja, плотину. Такая dam[42 - плотина (англ.)]. Они строили тогда новую плотину в северо-западном углу Девл-Бей. Это, брат, была замечательная работа, – пояснил капитан. – Настоящий breakwater.

– Волнорез?

– Ja. Они клали на той стороне свои яйца и хотели, чтобы там были спокойные воды, понимаешь? Они сами придумали сделать такую dam; но я тебе скажу, ни один чиновник или инженер из Waterstaat[43 - Ведомства водных сооружений (голл.).] в Амстердаме не мог бы сочинить лучший план для подводной плотины. Замечательно искусная работа; вот только вода портила им дело. Они роют себе под водой такие глубокие ямы под берегом и живут в этих ямах. Страшно умные зверьки, сэр, совсем как beavers.

– Бобры?

– Ja, эти большие крысы, которые умеют устраивать запруды на реке. А у ящерок там было множество плотин и плотинки, в Девл-Бей; такие ровные-ровные dams, что твой город. Ну и под конец они задумали перегородить плотиной весь Девл-Бей. Ну так вот. «Научились выворачивать камни рычагами, – продолжал читать капитан. – Альберту – это был один tapa-boy – раздавило при этом два пальца». «Двадцать первого. Даяк сожрал Альберта. После этого ему было плохо. Пятнадцать капель опия. Обещал больше этого не делать. Целый день шел дождь... Тридцатое июня. Lizards строили свою плотину. Тоби не хочет работать...» И умница же это был! – с восхищением пояснил капитан. – Умные-то никогда не хотят работать. Он постоянно вытворял какие-нибудь проказы, этот Тоби. Что поделаешь, ящерки тоже бывают очень разные. «Третьего июля. Сержант получил нож». Это был такой большой, сильный ящерка, этот Сержант. И очень ловкий, сэр. «Седьмого июля. Сержант убил ножом cuttle-fish» – это, понимаешь, рыба, которая гадит таким темно-бурым – слышал?

– Каракатица?

– Ja, она самая. «Двадцатое июля. Сержант убил ножом большую jelly-fish» – это такая сволочь, тело как студень, и жжется, как крапива. Мерзкое животное. А теперь внимание, пан Бонди. «Тринадцатого июля. – Это у меня подчеркнуто. – Сержант убил ножом небольшую акулу. Вес – семьдесят фунтов». Вот как, пан Бонди! – торжественно воскликнул капитан И. ван Тох. – Здесь это записано черным по белому. Это и есть великий день. Точно, тринадцатого июля прошлого года. – Капитан закрыл записную книжку. – Я ничуть не стыжусь, пан Бонди; там, на берегу Девл-Бей, я упал на колени и заревел от самой искренней радости. Теперь уж я знал, что мои tapa-boys не дадут себя в обиду. Сержант получил за

это отличный новый гарпун – гарпун, брат, лучше всего, если хочешь охотиться на акул, и я ему сказал: be a man[44 - будь мужчиной (англ.)], Сержант, и покажи tara-boys, что они могут обороняться. И вот, брат, – воскликнул капитан, вскочив с места и ударив по столу от восторга, – через три дня там плавала огромная дохлая акула, full of gashes – как это называется?

– Вся израненная?

– Ja, сплошные дыры от ударов гарпуна. – Капитан глотнул пива с такой жадностью, что в горле у него заклокотало. – Вот оно как, пан Бонди. Тогда только я и заключил с tara-boys... ну нечто вроде договора. То есть я как бы дал им слово, что если они будут доставлять мне жемчужницы, я им буду давать за это гарпуны и knives, то есть ножи, чтобы они могли защищаться. See? Это честный бизнес, сударь. Что поделаешь, человек должен быть честным даже с животными. И я дал им еще немного досок и две железных wheelbarrows...

– Ручные тележки. Тачки.

– Ja, такие тачки. Чтобы они могли возить камни на плотину. Им, бедняжкам, приходилось таскать все в своих лапах, понимаешь? Ну, словом, массу вещей они получили. Я бы не хотел их надувать, вовсе нет. Постой, парень, я тебе что-то покажу.

Капитан ван Тох одной рукой подтянул свой живот кверху, а другой извлек из кармана брюк холщовый мешочек.

– Вот здесь, – сказал он и высыпал содержимое мешочка на стол.

Там было около тысячи жемчужин самой различной величины: мелкие, как конопляное семя, немного побольше, величиной с горошину, несколько огромных, с вишню; жемчужины безупречно круглые, как капля, жемчужины бугорчатые, жемчужины серебристые, голубые, телесного цвета, желтоватые, отливающие черным и розовым. Г.Х. Бонди был словно зачарован; он потерял всякое самообладание, перебирал их, катал по столу кончиками пальцев, сгребал обеими руками.

– Какая красота, – восторженно прошептал он. – Капитан, это – как в сказке!..

– Ја, – невозмутимо ответил капитан. – Красиво. А акул они убили около тридцати за тот год, что я провел с ними. У меня здесь все записано, – сказал он, похлопывая по нагрудному карману. – Зато сколько ножей я им дал, и пять штук гарпунов. Мне ножи обошлись почти по два американских доллара а ріесе, то есть за штуку. Очень хорошие ножи, парень, из такой стали, которую не берет никакая rust.

– Ржавчина?

– Ја. Потому что это для работы под водой, для моря. Ну, и батаки тоже стоили мне кучу денег.

– Какие батаки?

– Да туземцы на том острове. У них такая вера, будто tара-boys – это черти, и они страшно их боятся. А когда увидели, что я с их чертями разговариваю, хотели убить меня. Целыми часами звонили в колокола, чтобы отогнать, значит, чертей от своего кампонга. Ужасный тарарам подняли. Ну а потом каждое утро приставали ко мне, чтобы я им заплатил за этот набат. За то, что они трудились, понимаешь? Что и говорить, эти батаки – отчаянные жулики. Но с tара-boys, сэр, с ящерками, можно бы сделать честный бизнес. Очень хорошее дело, пан Бонди.

Г.Х. Бонди все происходящее казалось сном.

– Покупать у них жемчуг?

– Ја. Только в Девл-Бей уже никакого жемчуга нет, а на других островах нет никаких tара-boys. В этом-то вся суть, парень.

Капитан И. ван Тох раздул щеки с победоносным видом.

– Это и есть то большое дело, которое я обмозговал. Послушай, – сказал он, тыча в воздух толстым пальцем. – Ведь этих ящерок стало гораздо больше с тех пор, как я взял их под защиту! Они могут теперь обороняться. You see? А? А дальше их будет еще больше! Ну, так как же, пан Бонди? Разве это не замечательное предприятие?

– Я все еще не понимаю, – неуверенно произнес Г.Х. Бонди, – что вы, собственно, имеете в виду, капитан?

– Ну, перевозить tapa-boys на другие жемчужные острова, – выложил наконец капитан. – Я заметил, что ящерки не могут сами переплывать открытое море в глубоких местах. Они немножко плавают, немножко ходят по дну, но на большой глубине для них слишком большое давление: они чересчур мягкие, понимаешь? Но если бы у меня было судно, в котором можно было бы устроить резервуар, такой бассейн с водой, то я мог бы перевозить их, куда хочу, see? И они искали бы там жемчуг, а я бы ездил к ним и привозил им ножи и гарпуны и всякие прочие вещи, в которых они нуждаются. Эти бедняжки там, в Девл-Бей, так рас... распоросились... а?

– Расплодились.

– Я, так расплодились, что им уже почти нечего жрать. Они едят мелких рыбешек, моллюсков и водяных жуков... Но могут жрать и картошку, и сухари, и всякие обыкновенные вещи. Этим можно было бы их кормить в резервуарах, на судне. А в подходящих местах, где не очень много людей, я пускал бы их в воду и устраивал бы там такие... такие фермы для моих ящерок. Потому что я хотел бы, чтобы они могли прокормиться, эти зверьки. Они очень славные и умные, пан Бонди. Вот увидишь их, парень, сам скажешь: хэлло, captain, полезные у тебя зверьки. Я. Люди ведь теперь с ума сходят по жемчугу, пан Бонди. Вот это и есть тот большой бизнес, что я придумал.

Г.Х. Бонди был в нерешительности.

– Мне очень жаль, капитан, – начал он, – но я, право, не знаю...

Лазурные глаза капитана И. ван Тоха подернулись влагой.

– Это плохо, братец! А я бы тебе оставил все эти жемчужины, как... как залог за то судно. Сам я купить судно не могу. А я знаю очень подходящую посудину в Роттердаме. На дизеле...

– Почему вы не предложили это дело кому-нибудь в Голландии?

Капитан покачал головой.

– Я, брат, знаю этих людей. С ними об этом говорить нельзя... А я, пожалуй, – задумчиво прибавил он, – возил бы на этом судне и другие вещи, всевозможные goods[45 - товары (англ.)], и продавал бы их на тех островах. Да, я бы это мог. У меня там куча знакомств, пан Бонди. А при этом я мог бы иметь у себя на судне такие резервуары для моих ящерок...

– Гм, об этом еще можно подумать, – размышлял вслух Г.Х. Бонди. – Дело в том, что как раз... Ну да, нам нужно искать новые рынки для нашей промышленности. Случайно я говорил об этом на днях с несколькими лицами... Я хотел бы купить один или два парохода, один для Южной Америки, а другой для восточных стран...

Капитан ожил.

– Вот за это хвалю, пан Бонди! Суда теперь страшно дешевы, можешь купить их хоть целую гавань...

Капитан ван Тох пустился в технологические объяснения, где и за какую цену продаются всякие vessels, boats и tank-steamers[46 - корабли, парходы и наливные суда (англ.)]. Г.Х. Бонди не слушал капитана; он только рассматривал его. Г.Х. Бонди умел разбираться в людях. Ни на одно мгновение он не принимал всерьез ящериц капитана ван Тох; но сам капитан стоил внимания. Честный человек, да. И знает тамошние условия. Сумасшедший, конечно. Но чертовски симпатичен. В сердце Г.Х. Бонди зазвенела какая-то фантастическая струна. Корабли с жемчугом и кофе, корабли с пряностями и всякими благовониями Аравии! Г.Х. Бонди ощутил то странное, необъяснимое волнение, которое обычно предшествовало у него всякому важному и удачному решению; это можно было бы выразить в словах:

«Сам не знаю почему, но я, кажется, за это возьмусь». А тем временем captain ван Тох своими огромными лапами чертил в воздухе силуэты судов с awning-decks и quarterdecks[47 - палубой под тентом и со шканцами (англ.)], – превосходные суда, братец...

– Знаете что, капитан ван Тох, – сказал вдруг Г.Х. Бонди, – зайдите ко мне через две недели. Мы возобновим тогда разговор о парходе.

Captain ван Тох понял, как много значат эти слова. Покраснев от радости, он вымолвил только:

– А как ящерики – смогу я их возить на моем пароходе?

– Разумеется. Только... пожалуйста, никому о них ни слова. Люди подумают, что вы спятили... и я заодно с вами.

– А жемчуг вам можно оставить?

– Можно.

– Ja, только я должен выбрать две жемчужины покрасивее, надо послать их кое-кому.

– Кому?

– А таким двум редакторам, парень. Ja, черт подери, постой-ка!

– Что?

– Как их звали, черт подери?

Капитан ван Тох растерянно моргал своими лазурными глазами.

– Такая, брат, глупая у меня голова... Уже забыл, как звали этих двух boys...

5. Капитан И. ван Тох и его дрессированные ящерицы

– Провалиться мне на этом месте, – воскликнул человек на набережной в Марселе, – если это не Иенсен!

Швед Иенсен поднял глаза.

– Пстой, – сказал он, – и помолчи, пока я тебя не узнаю.

Он прикрыл глаза рукой.

– «Чайка»? Нет. «Императрица Индии»? Нет. «Пернамбуко»? Нет. А, знаю! «Ванкувер». Лет пять тому назад на «Ванкувере», в пароходстве «Осака-лайн», Фриско. А зовут тебя Дингль, бродяга ты этакий, и ты ирландец.

Человек оскалил зубы и подсел к шведу.

– Right[48 - Правильно (англ.)], Иенсен. И, кроме того, пью любую водку, когда угощают. Ты где теперь?

Иенсен показал кивком:

– Крейсирую на линии Марсель-Сайгон. А ты?

– А я в отпуске, – похвастал Дингль, – еду домой посмотреть, сколько у меня прибавилось детей.

Иенсен глубокомысленно покачал головой.

– Значит, тебя опять выставили. Так? Пьянство в служебное время и тому подобное. Если бы ты, брат, посещал YMCA, как я...

Дингль ужаснулся.

– Здесь тоже есть YMCA?

– Да ведь сегодня суббота, – проворчал Иенсен. – А где ты плавал?

– На одном трампе, – уклончиво ответил Дингль. – Разные острова там, на юге.

– Капитан?

– Некий ван Тох. Голландец или что-то в этом роде.

Швед Иенсен задумался.

– Капитан ван Тох... Я с ним тоже плавал несколько лет тому назад. Судно – «Кандон-Бандунг». Рейс – от черта к дьяволу. Толстый, лысый и ругается даже по-малайски, чтобы крепче получалось. Знаю хорошо.

– Он уже тогда был такой сумасшедший?

Швед покачал головой.

– Старый Тох – all right[49 - Здесь: что надо (англ.)], братец.

– Возил он тогда уже с собой ящериц?

– Нет... – Иенсен стал припоминать: – Что-то я уже слышал об этом... в Сингапуре. Какой-то враль молол там языком на этот счет.

Ирландец слегка обиделся.

– Это совсем не вранье, Иенсен. Это святая истина насчет ящериц.

– Тот, в Сингапуре, тоже божился, что это правда, – проворчал швед. – И все же получил по рылу! – прибавил он с победоносным видом.

– Дай же я тебе расскажу, в чем тут дело, – упорствовал Дингль. – Уж кому знать, как не мне. Я эту мразь видел собственными глазами.

– Я тоже, – пробормотал Иенсен. – Почти совсем черные, рост – около метра шестидесяти, с хвостом, и ходят на двух ногах. Знаю.

– Отвратительные, – передернулся Дингль. – Все в бородавках, дружище! Матерь божия, я бы к ним не притронулся. Они, наверное, ядовитые!

– Почему? – буркнул швед. – Я, брат, служил как-то на судне, которое возило людей. И на верхней и на нижней палубе – везде люди. Женщины, и все такое прочее. И танцуют, и играют в карты... я там был кочегаром, понимаешь? Ну, а теперь скажи мне, олух, что ядовитее?

Дингль сплюнул.

– Если бы это были кайманы, я, брат, ничего бы не сказал. Я тоже как-то возил змей для зверинца – оттуда, из Банджермасина. Ну и воняли! Но ящерицы... Иенсен, уж слишком они странные звери. Днем-то еще ничего, днем все это сидит в таких бассейнах с водой; но ночью оно вылезает – топ-топ, топ-топ... Все судно ими кишмя кишит. И оно становится на задние ноги и поворачивает голову за тобой вслед... – Ирландец перекрестился. – Цыкает на человека – тс-тс-тс, как шлюхи в Гонконге. Прости меня, господи, только я думаю, что тут дело нечисто. Если бы не так туго было с работой, я бы там и часа не оставался, Иенсен. Ни единого часа.

– Ага, – сказал Иенсен. – Так вот почему ты возвращаешься к маменьке?

– Отчасти... Приходилось чертовски пить, чтобы вообще выдержать там, а ты сам знаешь, капитан насчет этого строг! Вот был тарарам, когда я одну из этих тварей пнул ногой. Ну да, пнул, да еще, брат, с каким удовольствием! Даже хребет перешиб. Ты бы посмотрел, что было со стариком! Посинел, схватил меня за горло и швырнул бы в воду, не окажись тут штурман Грегори. Знаешь его?

Швед кивнул головой.

– «Хватит с него, сэр», – сказал штурман и вылил мне на голову ведро воды. И в Кокопо меня списали. – Дингль плюнул, и плевок пролетел в воздухе длинной дугой. – Старику эта мразь дороже людей. Знаешь, он учил их говорить! Ей-богу! Запирался с ними и часами разговаривал. Я думаю, он их дрессирует для цирка. Но самое странное то, что он их потом опять пускает в воду. Остановится у какого-нибудь дурацкого островка, болтается в шлюпке вдоль берега и измеряет глубину; а потом запрется там, где эти резервуары, откроет люк в борту и выпускает свою мразь в воду. А оно, брат, скачет через окошечко – одно за другим, как дрессированные тюлени, штук десять-двенадцать... А ночью старый Тох отправляется на берег с какими-то ящиками. Что там, в этих ящиках, – никто не знает. Потом двигаем дальше. Вот так обстоят дела со старым Тохом, Иенс.

Странно. Чересчур странно! – В глазах Дингля мелькнуло выражение ужаса. – Боже всемогущий, Иенс, до чего мне было жутко! Я пил, брат, пил как сумасшедший. А когда оно ночью топало по всему судну и служило на задних лапах... и цыкало: тс-тс-тс, так и я иногда думал: эге, братец, это у тебя с перепою! Со мной это уже было однажды во Фриско, помнишь, Иенсен? Но тогда мне везде мерещились пауки. «Делириум», – говорили врачи в Sailor hospital[50 - морском госпитале (англ.)]. Но потом я спросил толстого Бинга, видел ли он тех чудовищ, и он сказал, что видел. Собственными глазами, говорит, подглядел раз, как один ящер взялся за ручку двери и вошел в каюту к капитану. Но не знаю... Этот Джо тоже жутко пил. Как ты думаешь, Иенс, у Бинга тоже был делириум или нет? Как ты думаешь?

Иенсен только пожал плечами.

– А немец Петерс рассказывал, будто на островах Манихики он отвез капитана на берег, а потом спрятался за скалами и стал смотреть, что там старый Тох делает со своими ящиками. Так он, брат, говорит, что эти ящеры сами пооткрывали их, когда старик дал им долото. А знаешь, что было в ящиках? Оказывается, ножи, дружище. Такие длинные ножи, гарпуны и тому подобное. Я, правда, Петерсу не верю, у него очки на носу, но все-таки это странно. Ты как думаешь?

У Иенсена вздулись жилы на лбу.

– Я думаю, – буркнул он, – что твой немец сует свой нос в дела, которые его совсем не касаются. Понял? И скажу тебе, что я ему этого не советую.

– А ты ему напиши, – усмехнулся ирландец. – Самый точный адрес – пекло, наверняка дойдет. А знаешь, что меня удивляет? Старый Тох время от времени навещает своих ящериц в тех местах, где он насажал их. Ей-богу, Иенс. Вечером приказывает отвезти себя в шлюпке на берег и возвращается только к утру. Так вот, скажи-ка мне, Иенс, ради чего ему туда ездить? И скажи мне, что спрятано в посылочках, которые он отправляет в Европу? Смотри – вот такие маленькие посылочки страхует на тысячу фунтов.

– Откуда ты знаешь? – еще более хмуро спросил швед.

– Да вот знаю, – уклончиво ответил Дингль. – А как ты думаешь, откуда старый Тох возит этих ящериц? Из Девл-Бей. Из Чертова залива, Иенс. У меня там есть один знакомый, он агент, человек с образованием, так он мне говорил, брат, что это вовсе не дрессированные ящерицы. Куда там! Пусть малым детям рассказывают, что это просто животные. А нам, брат, пусть зубы не заговаривают. – Дингль многозначительно подмигнул. – Вот какие дела, Иенсен... А ты мне говоришь, что captain van Toch – all right!..

– Ну-ка, повтори еще раз! – угрожающе прохрипел огромный швед.

– Был бы старый Тох all right, не развозил бы чертей по всему свету... и не запускал бы их всюду на островах, словно блох в шубу. За то время, Иенс, что я плавал с ним, он перевез их несколько тысяч, не меньше. Старый Тох продал свою душу, браток. И я знаю, чем ему черти платят. Рубины, жемчуг и тому подобное. Можешь не сомневаться, даром он не стал бы это делать.

Иенс Иенсен побагровел.

– А тебе-то что? – рявкнул он, стукнув кулаком по столу. – Занимайся своими проклятыми делами!

Маленький Дингль испуганно подскочил.

– Ну, чего ты... – смущенно залепетал он. – Что ты так вдруг... Я ведь только рассказываю, что видел. А если хочешь, так все это мне только померещилось. Только ради тебя, Иенсен... Пожалуйста, могу сказать, что это бред. Иенсен, ты же знаешь, со мной было уже такое во Фриско. «Тяжелый случай», – говорили врачи в Sailor hospital. Ей-богу, брат, мне показалось, что я видел ящериц, или чертей, или еще что-то такое. А на самом деле ничего не было.

– Было, Пат, – мрачно сказал швед, – я их видел.

– Нет, Иенсен, – убеждал его Дингль. – Это у тебя был просто делириум. Старый Тох – all right, но... ему не следовало бы развозить чертей по свету. Знаешь что? Когда я приеду домой, закажу мессу за спасение его души. Провалиться мне на этом месте, Иенсен, если я этого не сделаю.

– По нашей религии, – меланхолически протянул Иенсен, – этого не полагается. А как ты думаешь, Пат, помогает, если отслужить за кого-нибудь мессу?

– Чудесно помогает!.. – воскликнул ирландец. – Я слышал на родине не раз, что это помогало... ну, даже в самых тяжелых случаях! Против чертей вообще и... тому подобное, понимаешь?

– Тогда я тоже закажу католическую мессу, – решил Иенс Иенсен. – За капитана ван Тоха. Но я закажу ее здесь, в Марселе. Я думаю, что вон в том большом соборе это можно сделать дешевле, по оптовой цене.

– Может быть, но... ирландская месса лучше. У нас, брат, такие монахи, что почище всяких колдунов будут. Прямо как факиры или язычники.

– Слушай, Пат, – сказал Иенсен, – я бы тебе дал двенадцать франков на мессу. Но ты ведь парень непутевый, пропьешь...

– Иенс, такого греха я на душу не возьму. Но постой, чтобы ты мне поверил, я напишу на эти двенадцать франков расписку. Хочешь?

– Это можно, – сказал швед, который во всем любил порядок.

Дингль раздобыл листок бумаги, карандаш и занял этими принадлежностями почти весь стол.

– Что же мне тут написать?

Иенс Иенсен заглянул ему через плечо.

– Сначала напиши сверху, что это расписка.

И Дингль медленно, с усилием, высовывая язык и слюнявя карандаш, вывел:

– Так правильно? – неуверенно спросил Дингль. – А у кого из нас должен остаться этот листок?

– У тебя, конечно, осел ты этакий, – не задумываясь ответил швед. – Это делается, чтобы человек не забыл, за что он получил деньги.

Эти двенадцать франков Дингль пропил в Гавре и вместо Ирландии отправился оттуда в Джибути. Короче говоря, месса отслужена не была, вследствие чего естественный ход событий не нарушался вмешательством каких-либо высших сил.

6. Яхта в лагуне

Мистер Эйб Леб, прищурившись, глядел на заходящее солнце. Ему хотелось как-то высказать, до чего это красиво, но крошка Ли – она же мисс Лили Валлей, по документам Лилиан Новак, а для друзей – златокудрая Ли, Белая Лилия, длинноногая Лилиан, и как там ее еще называли в ее семнадцать лет, – спала на горячем песке, закутавшись в мохнатый купальный халат и свернувшись в клубок, как прикорнувшая собачонка. Поэтому Эйб ничего не сказал о красоте природы и только вздыхал, шевеля пальцами босых ног, чтобы вытряхнуть песчинки. Недалеко от берега стоит на якоре яхта «Глория Пикфорд»; эту яхту Эйб получил от папаши Леба за то, что сдал университетские экзамены. Молодчина папаша Леб, Джесс Леб, магнат кинопромышленности и так далее. «Эйб, пригласи нескольких приятелей или приятельниц и поезди по белу свету», – сказал старик. Папаша Джесс – молодец первый сорт! И вот теперь там, на перламутровой поверхности моря, застыла «Глория Пикфорд», а здесь, на горячем песке, спит крошка Ли. У Эйба захватило дух от счастья. Спит, как маленький ребенок, бедняжка. Мистер Эйб ощутил непреодолимое, страстное желание спасти Ли от какой-нибудь опасности. «Собственно говоря, следовало бы действительно жениться на ней», – подумал молодой мистер Леб, и сердце его сжалось от сладостного и мучительного чувства, в котором твердая решимость смешивалась с малодушием. Мамаша Леб, наверное, не согласится на это, а папаша Леб только руками разведет: «Ты с ума сошел, Эйб». Родители просто не могут этого понять, вот и все. И мистер Эйб, нежно вздохнув, прикрыл полой купального халата беленькую лодыжку Ли. «Как глупо, – смущенно подумал он, – что у меня такие волосатые ноги!»

Господи, до чего здесь красиво, до чего красиво! Жаль, что Ли этого не видит. Мистер Эйб залюбовался красивой линией ее бедра и, по какой-то смутной ассоциации, начал думать об искусстве. Ли ведь тоже артистка. Киноартистка. Правда, она еще не играла, но твердо решила сделаться величайшей кинозвездой всех времен, а если Ли что-нибудь задумает, то обязательно добьется своего. Вот этого как раз и не понимает мамаша Леб. Артистка – это... одним словом, артистка и не может быть такой, как другие девушки. К тому же другие девушки ничуть не лучше, решил Эйб. Например, эта Джэди, там, на яхте, такая богатая девица... а я знаю, что Фред ходит к ней в каюту. Каждую ночь, извольте ли видеть! Тогда как я и Ли... Просто Ли не такая. Я желаю всего лучшего Фреду-бейсболисту, великодушно размышлял Эйб, он мой товарищ по университету. Но каждую ночь... Нет, богатая девушка не должна была бы так поступать. То есть девушка из такой семьи, как Джэди. И ведь Джэди – даже не артистка. (О чем только эти девушки иногда шушукаются! – вспомнил вдруг Эйб. И как у них при этом горят глаза, и как они хихикают. Мы с Фредом о таких вещах никогда не говорим.) (Ли не надо пить коктейль в таком количестве; она потом сама не знает, что говорит.) (Например, сегодня днем – это было уж слишком...) (Я имею в виду, как они с Джэди заспорили, у кого из них ноги красивее. Само собой разумеется, что у Ли. Я-то знаю.) (А Фреду нечего было затевать этот дурацкий конкурс красивых ног. Это можно устраивать где-нибудь на Палм-Бич, но не в своей интимной компании. А девушкам не следовало так высоко задирать юбки. Это уже, собственно, были не только ноги... По крайней мере, Ли не следовало этого делать. Тем более перед Фредом. И такая богатая девушка, как Джэди, зря это делала.) (А я, пожалуй, напрасно позвал капитана и предложил ему быть судьей. Это было глупо. Как побагровел капитан, и усы у него ошетинились. «Простите, сэр», – и хлопнул дверью. Неприятно. Ужасно неприятно. Капитану не следовало быть до такой степени грубым. В конце концов, ведь это моя яхта, не так ли?) (Правда, у капитана нет с собой девушки; так легко ли ему, бедняге, смотреть на такие вещи? То есть поскольку ему приходится оставаться на холостом положении?) (А почему Ли плакала, когда Фред сказал, что у Джэди ноги красивее? Потом она говорила, что Фред такой невоспитанный; отравил ей всю поездку... Бедненькая Ли!..) (Теперь девушки дуются друг на друга. А когда я хотел поговорить с Фредом, Джэди подозвала его к себе, как собачонку. Все-таки Фред – мой лучший приятель. Конечно, если он возлюбленный Джэди, он должен говорить, что у нее ноги красивее. Но зачем было утверждать это так категорически? Это было нетактично по отношению к бедняжке Ли. Ли права, что Фред самоуверенный чурбан. Ужасный чурбан.) (Собственно, я представлял себе это путешествие иначе. На черта мне сдался Фред!)

Мистер Эйб обнаружил, что он уже не любит перламутровым морем, но с весьма мрачным видом просеивает между пальцами песок с ракушками. Он был огорчен и расстроен. Папаша Леб сказал: «Поезжай да постарайся повидать побольше». А что мы видели? Мистер Эйб старался припомнить, но в памяти его всплывала только одна картина – как Джэди и Ли показывают свои ноги, а Фред, широкоплечий Фред, сидит перед ними на корточках. Эйб нахмурился еще больше. Как, собственно, называется этот коралловый остров? Тараива, говорил капитан. Тараива, или Тахуара, или Тараихатура-тахуара. Что, если вернуться домой и сказать старому Джессу: «Папа, мы побывали даже на Тараихатуара-тахуара». (И зачем только я позвал тогда капитана? – поморщился мистер Эйб.) (Надо будет поговорить с Ли, чтобы она не делала таких вещей. Господи, почему я ее так ужасно люблю? Когда проснется, поговорю с ней. Скажу, что мы могли бы пожениться...) Глаза мистера Эйба наполнились слезами. Господи, отчего это – от любви или от муки? Или же эта безмерная мука оттого, что я ее люблю?...

Подведенные синим, блестящие, похожие на нежные ракушки, веки крошки Ли затрепетали.

– Эйб, – прозвучал сонный голосок, – знаешь, о чем я думаю? Здесь, на этом острове, можно было бы сделать шикарный фильм.

Мистер Эйб старался засыпать свои злополучные волосатые ноги мелким песком.

– Превосходная идея, крошка. А какой фильм?

Ли открыла свои бездонные синие глаза.

– Например... Представь себе, что я была бы на этом острове Робинзоном. Женщина-Робинзон! Правда, совершенно новая идея?

– Да-а, – неуверенно произнес мистер Эйб. – А как бы ты попала на этот остров?

– Превосходнейшим манером!.. – ответил сладкий голосок. – Просто наша яхта потерпела бы во время бури крушение, и вы все потонули бы – ты, Джэди, капитан и все.

– А Фред? Он ведь замечательно плавает.

Гладкий лобик наморщился.

– Тогда пусть Фреда съест акула. Получится изумительный кадр! – захлопала Ли в ладоши. – Ведь у Фреда безумно красивое тело, правда?

Мистер Эйб вздохнул.

– Ну а дальше?

– А меня в бессознательном состоянии выбросила бы на берег волна. На мне была бы пижама, та, в голубую полоску, что так понравилась тебе позавчера. – Взгляд, брошенный из-под полуопущенных ресниц, наглядно продемонстрировал силу женских чар. – Вернее, это должен быть цветной фильм, Эйб. Все говорят, что голубой цвет поразительно идет к моим волосам.

– А кто бы тебя здесь нашел? – деловито осведомился мистер Эйб.

Крошка Ли задумалась.

– Никто! Какой же тогда Робинзон, если тут будут люди, – ответила она с неожиданной логикой. – Вот почему эта роль такая шикарная, ведь я все время играла бы одна. Вообрази только – Лили Валлей в главной и вообще единственной роли!

– А что бы ты делала в течение всего фильма?

Крошка Ли оперлась на локоть.

– У меня уже все продумано. Купалась бы и пела на скале.

– В пижаме?

– Без, – сказала крошка. – Ты не думаешь, что я имела бы огромный успех?

– Но не можешь ведь ты ходить все время голой, – проворчал Эйб с явным неодобрением.

– А почему бы и нет? – невинно удивилась крошка. – Что здесь такого?

Мистер Эйб пробормотал что-то нечленораздельное.

– А потом, – продолжала свои размышления Ли, – постой... ага, знаю. Потом меня похитила бы горилла. Понимаешь, такая страшная, волосатая, черная горилла.

Мистер Эйб покраснел и постарался еще глубже зарыть в песок свои проклятые ноги.

– Но здесь же нет горилл, – возразил он малоубедительным тоном.

– Есть. Здесь есть всевозможные звери. Ты должен относиться к делу как художник, Эйб. Горилла удивительно подойдет к моему оттенку кожи. А ты обратил внимание, какие у Джэди волосы на ногах?

– Нет, – ответил Эйб, крайне недовольный этой темой.

– Ужасные ноги, – заметила Ли и с удовлетворением посмотрела на собственные икры. – А когда горилла понесет меня на руках, из лесной чащи выйдет молодой прекрасный дикарь и заколет ее.

– А как он будет одет?

– У него будет лук, – без колебаний решила крошка, – и венок на голове. Этот дикарь возьмет меня в плен и приведет в становище каннибалов.

– Здесь нет никаких каннибалов. – Эйб попробовал вступить за островок Тахуара.

– Есть. Людоеды захотят принести меня в жертву своим идолам и споют при этом гавайские песни. Знаешь, как негры поют в ресторане «Парадиз». Но тот молодой людоед влюбился бы в меня, – прошептала крошка Ли с широко раскрытыми от восторга глазами, – и... потом еще один дикарь влюбился бы в меня, скажем – предводитель этих каннибалов... а потом один белый...

– Откуда же тут возьмется белый? – спросил Эйб в интересах точности.

– Он был бы у них в плену. Например, это был бы знаменитый тенор, который попал в руки дикарей. Это для того, чтобы он мог петь в фильме.

– А в чем он был бы одет?

Ли поглядела на пальчики своих ножек.

– Он был бы... без всего, как и людоеды.

Мистер Эйб покачал головой:

– Не годится, крошка. Все знаменитые тенора страшно толстые.

– Жалко, – огорчилась Ли. – Ну, тогда его мог бы играть Фред, а тенор только пел бы. Знаешь, как теперь озвучивают фильмы.

– Но ведь Фреда сожрала акула?

Ли рассердилась.

– Нельзя быть таким ужасным реалистом, Эйб! С тобой вообще невозможно говорить об искусстве! А предводитель обвинил бы меня всю нитками жемчуга...

– Где бы он его взял?

– Здесь масса жемчуга, – с уверенностью объявила Ли. – А Фред из ревности боксировал бы с ним на скале над морским прибором. Получится шикарно: силуэт Фреда на фоне неба! Правда, блестящая идея? При этом они оба упали бы в море... – Ли просветлела. – Тут и пригодится эпизод с акулой. Вот взбесится Джэди, если Фред будет играть со мной в фильме! А я бы вышла замуж за того красивого дикаря. – Златокудрая Ли вскочила. – Мы стояли бы тут на берегу... на фоне солнечного заката... совершенно нагие... и диафрагма постепенно закрывалась бы... – Ли сбросила купальный халат. – А теперь я иду в воду.

– Ты не надела купальный костюм, – пробормотал Эйб, оглядываясь на яхту, не смотрит ли кто-нибудь оттуда; но Ли уже вприпрыжку бежала по песку к лагуне.

«...Собственно, в платье она лучше», – заговорил вдруг в молодом человеке голос холодной и жестокой критики. Эйб был потрясен отсутствием у него надлежащего любовного восторга и чувствовал себя почти преступником, но... все-таки, когда Ли в платье и туфельках, то... право же, это как-то красивее.

«Ты, верно, хочешь сказать – приличнее», – возражал Эйб холодному голосу.

«Ну да, и это тоже. И красивее. Почему она так нелепо шлепает по воде? Почему у нее так трясутся бока? Почему то, почему се...»

«Перестань, – с ужасом отбивался Эйб. – Ли – самая красивая девушка, которая когда-либо существовала на свете! Я ее ужасно люблю...»

«...Даже когда на ней нет ничего?» – спросил холодный критический голос.

Эйб отвернулся и взглянул на яхту в лагуне. Как она красива, как безупречны все линии ее бортов! Жаль, нет тут Фреда. С Фредом можно было бы поговорить о красоте яхты.

Тем временем Ли стояла уже по колени в воде, простирала руки к заходящему солнцу и пела.

«Скорей бы уж лезла в воду, черт бы ее драл! – раздраженно подумал Эйб. – А все-таки это было красиво, когда она лежала, свернувшись клубочком, закутанная в халат, с закрытыми глазами. Милая крошка Ли! – И Эйб, растроганно вздохнув, поцеловал рукав ее купального халата. – Да, я ужасно ее люблю. Так люблю, что больно делается».

Внезапно с лагуны донесся пронзительный визг. Эйб привстал на колени, чтобы лучше видеть. Ли пищит, размахивает руками и бегом спешит к берегу, спотыкаясь и разбрызгивая воду... Эйб вскочил и бросился к ней.

– Что такое, Ли?

«Посмотри, как она нелепо бежит, – отметил холодный критический голос. – Как она выбрасывает ноги. Как размахивает руками во все стороны. Это просто некрасиво. И еще кудахчет при этом, да, кудахчет».

– Что случилось, Ли? – кричал Эйб, спеша на помощь.

– Эйб, Эйб... – пролепетала Ли и – трах! – мокрая и холодная, повисла на нем. – Эйб, там какой-то зверь!

– Ничего там нет, – успокаивал ее Эйб. – Наверное, просто какая-нибудь рыба.

– Но у него такая страшная голова!.. – зарыдала крошка и уткнулась мокрым носом в грудь Эйба.

Эйб хотел отечески похлопать Ли по плечу, но шлепки по мокрому телу получились бы слишком звучными.

– Ну, ну, – проворчал он, – посмотри, там уже ничего нет.

Ли оглянулась на лагуну.

– Это было ужасно, – прошептала она и вдруг взвизгнула. – Вон... вон... видишь?

К берегу медленно приближалась черная голова, то разевая, то закрывая широкую пасть. Ли издала истерический вопль и сломя голову кинулась прочь.

Эйб был в нерешительности. Бежать за Ли, чтобы она не боялась? Или же остаться здесь и показать ей, что ему не страшен этот зверь? Само собой разумеется, он избрал второе решение. Он сделал несколько шагов и, остановившись по щиколотку в воде, сжав кулаки, посмотрел зверю в глаза. Черная голова тоже остановилась, странно закачалась и произнесла:

– Тс-тс-тс...

Эйбу стало немного жутко, но ведь нельзя же показывать виду.

– В чем дело? – резко спросил он, обращаясь к голове.

– Тс-тс... – ответила голова.

– Эйб, Эйб, Эйб... – верещала крошка Ли.

– Иду!.. – крикнул Эйб и медленно (чтобы не подумали чего) зашагал к своей возлюбленной. По дороге он даже приостановился и бросил строгий взгляд назад.

На берегу, где волны выводят на песке свои вековые, непрочные узоры, стоял на задних лапах какой-то темный зверь с круглой головой и извивался всем телом. Эйб застыл на месте с бьющимся сердцем.

– Тс-тс-тс... – произнес зверь.

– Эйб! – вопила Ли, близкая к обмороку.

Эйб отступал шаг за шагом, не спуская глаз со зверя. Тот не шевелился и только поворачивал голову вслед за Эйбом.

Наконец Эйб оказался возле крошки, которая лежала ничком на земле и, захлебываясь, всхлипывала от ужаса.

– Это... что-то вроде тюленя, – неуверенно сообщил Эйб. – Надо бы возвратиться на яхту, Ли.

Но Ли только дрожала.

– И вообще тут нет ничего опасного, – твердил Эйб.

Ему хотелось опуститься на колени, склониться над Ли, но он чувствовал себя обязанным рыцарски стоять между нею и зверем. «Был бы я не в одних трусах, – думал он, – да будь у меня хоть перочинный нож... или хоть бы палку какую найти...»

Начало смеркаться. Зверь приблизился еще шагов на тридцать и остановился. А вслед за ним вынырнули из моря пять, шесть... восемь таких же животных и, раскачиваясь, нерешительно засеменили к тому месту, где Эйб сторожил Ли.

– Не смотри, Ли... – прошептал Эйб, но в этом не было надобности, так как Ли не оглянулась бы ни за что на свете.

Из моря выходили все новые тени и продвигались вперед широким полукругом. «Их уже около шестидесяти, – мысленно подсчитал Эйб. – А это светлое – купальный халат Ли. Халат, в котором она только что спала...» Животные тем временем подошли уже к светлому предмету, который широким пятном выделялся на песке.

И тогда Эйб совершил нечто само собой разумеющееся и в то же время бессмысленное, подобно шиллеровскому рыцарю, который спустился на арену ко львам за перчаткой своей дамы. Ничего не поделаешь, есть такие само собой разумеющиеся и в то же время бессмысленные поступки, которые мужчины будут совершать до тех пор, пока существует мир. Не раздумывая, с высоко поднятой головой и сжатыми кулаками, мистер Эйб Леб вступил в круг зверей, чтобы отнять у них купальный халат крошки Ли.

Звери немного отступили, но не убежали. Эйб поднял халат, перебросил его через руку, как тореадор, и остановился.

– Эйб!.. – неслись сзади отчаянные вопли.

Мистер Эйб почувствовал прилив безмерной отваги и силы.

– Ну что? – сказал он зверям и подступил к ним еще на шаг. – Чего вы, собственно, хотите?

– Тс-тс, – зацыкал один зверь, а потом каким-то скрипучим старческим голосом пролаял: – Ноаж!..

– Ноаж!.. – отозвались скрипучие голоса немного дальше: – Ноаж! Ноаж!

– Э-эйб!..

– Не бойся, Ли! – крикнул Эйб.

– Ли!.. – залаяло перед ним. – Ли! Ли! Э-эйб!..

Эйбу казалось, что он видит сон.

– В чем дело?

– Ноаж!

– Э-эйб! – стонала Ли. – Иди сюда!

– Сейчас. Вы имеете в виду нож? У меня никакого ножа нет. Я вам ничего не сделаю. Что вы хотите еще?

– Тс-тс, – цыкнул зверь и заковылял к нему.

Эйб, придерживая переброшенный через руку халат, широко расставил ноги, но не отступил.

– Тс-тс, – сказал он. – Чего надо?

Зверь, казалось, протягивал к нему переднюю лапу; это не понравилось Эйбу.

– Что? – спросил он довольно резко.

– Ноаж! – пролаял зверь и выронил из лапы что-то беловатое, похожее на каплю. Но это не было каплей, потому что оно покатилося.

– Эйб! – захлебывалась Ли. – Не оставляй меня здесь!

Мистер Эйб не чувствовал уже никакого страха.

– Прочь с дороги! – сказал он и махнул на зверя купальным халатом.

Зверь поспешно и неуклюже отступил. Теперь Эйб мог удалиться с честью; но пусть Ли увидит, какой он храбрый; и он нагнулся, чтобы рассмотреть то беловатое, что зверь выронил из лапы. Это были три твердых, гладких, матово-блестящих шарика. Мистер Эйб поднес их к глазам, так как уже смеркалось.

– Эйб! – пищала покинутая Ли. – Эйб, Эйб!..

– Иду, иду! – крикнул мистер Эйб. – Ли, у меня для тебя что-то есть! Ли, Ли, я тебе что-то несу!

Размахивая купальным халатом над головой, мистер Эйб мчался по берегу, как молодой бог. Ли сидела на корточках, вся скорчившись, и дрожала.

– Эйб, – простонала она, стуча зубами. – Как ты можешь... Как ты можешь...

Эйб торжественно преклонил перед ней колена.

– Лили Валлей, морские боги, они же тритоны, пришли воздать тебе почести. Они поручили передать тебе, что, с тех пор как Венера родилась из пены морской, ни одна артистка не производила на них такого впечатления, как ты. В знак своего восхищения они посылают тебе, – Эйб протянул к ней руку, – три жемчужины. Смотри!

– Не мели вздор, Эйб! – захныкала Ли.

– Серьезно, Ли! Посмотри же, это настоящий жемчуг!

– Покажи! – простонала Ли и взяла в свои дрожащие пальцы три беловатых шарика. – Эйб, – прошептала она, – ведь это жемчуг! Ты нашел его в песке?

– Но, Ли, крошка моя, жемчуг не водится в песке!

– Водится, – заявила Ли. – И его промывают. Видишь, я говорила, что здесь масса жемчуга!

– Жемчужины растут в таких раковинах под водой, – почти с полной уверенностью сказал Эйб. – Ей-богу, Ли, это тебе принесли тритоны. Они видели, как ты купалась. Они хотели преподнести их тебе лично, но ты так испугалась.

– Да, они такие противные!.. – воскликнула Ли. – Эйб, это шикарные жемчужины! Я ужасно люблю жемчуг!

«Вот теперь она красива, – сказал критический голос. – Когда она стоит здесь на коленях и держит жемчужины на ладони – ну... просто хорошенькая, да и все!»

– Эйб, это действительно принесли мне те... те звери?

– Они не звери, крошка. Они морские боги. Называются тритоны.

Ли нисколько не удивилась.

– Очень мило с их стороны, правда? Они ужасно симпатичные. Как ты находишь, Эйб, должна я как-нибудь их поблагодарить?

– Ты уже не боишься их?

Ли вздрогнула.

– Боюсь... Эйб, пожалуйста, уведи меня отсюда.

– Тогда слушай, – сказал Эйб. – Нам надо добраться до нашей лодки. Идем, и не бойся!

– Но ведь... ведь они стоят на дороге... – стучала зубами Ли. – Эйб, ты не хочешь пойти к ним без меня? Только не смей оставлять меня здесь одну!

– Я понесу тебя на руках, – героически предложил мистер Эйб.

– Да, так лучше... – прошептала Ли.

– Только надень халат, – буркнул Эйб.

– Сейчас.

Мисс Ли поправила обеими руками свои великолепные золотые кудри.

– Я ужасно растрепана, правда? Эйб, у тебя нет с собой губной помады?

Эйб набросил ей на плечи халат.

– Идем же, Ли.

– Я боюсь... – шептала Ли.

Мистер Эйб взял ее на руки. Ли казалась на вид легонькой, как облачко. «Черт возьми, это тяжелее, чем ты думал, верно? – спросил Эйба холодный критический голос. – И теперь у тебя обе руки заняты; если эти звери на нас нападут, что тогда?»

– Ты бы не побежал бегом? – предложила Ли.

– Хорошо... – пропыхтел Эйб, с трудом перебирая ногами.

Уже почти совсем стемнело. Эйб приближался к широкому полукругу животных.

– Скорей, Эйб, бегом, бегом!.. – шептала Ли.

Животные начали раскачиваться странными волнообразными движениями и извиваться верхней половиной туловища.

– Ну, беги же, беги быстрее! – простонала Ли, истерически дрыгая ногами, и в шею Эйба вонзились ногти, покрытые серебристым лаком.

– Черт возьми, Ли, пусти же! – взвыл Эйб.

– Ноаж! – пролаяло рядом с ним. – Тс-тс-тс! Ноаж! Ли! Ноаж! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но они уже миновали страшный полукруг, и Эйб почувствовал, что его ноги погружаются во влажный песок.

– Можешь спустить меня на землю, – прошептала Ли как раз в тот момент, когда у Эйба окончательно отнялись уже и руки и ноги.

Эйб тяжело дышал, отирая локтем пот со лба.

– Иди к лодке! Поживее! – скомандовала крошка Ли.

Полукруг темных теней повернулся теперь лицом к Ли и стал приближаться.

– Тс-тс-тс! Ноаж! Ноаж! Ли!

Но Ли не закричала. Ли не бросилась бежать. Ли подняла руки к небу, и купальный халат соскользнул с ее плеч. Ли, нагая, махала обеими руками колеблющимся теням и посылала им воздушные поцелуи. Ее дрожащие губы слегка искривились, что должно было, очевидно, изображать очаровательную улыбку.

– Вы такие милые, – произнес трепетный голосок, а белые руки снова простерлись к колеблющимся теням.

– Иди помоги мне, Ли, – немного грубо проворчал Эйб, сталкивая лодку в воду.

Ли подняла свой купальный халат.

– До свидания, дорогие мои!

Можно было слышать, как тени шлепают уже по воде.

– Ну же, шевелись, Эйб, – прошептала крошка, пробираясь к лодке. – Они опять здесь!

Мистер Эйб Леб отчаянно напрягал усилия, чтобы столкнуть лодку в воду. А тут в нее влезла мисс Ли, махая рукой на прощание.

– Перейди на другую сторону, Эйб, а то им не видно меня.

– Ноаж! Тс-тс-тс! Эйб!

– Ноаж! Тс, ноаж!

– Тс-тс!

– Ноаж!

Лодка наконец закачалась на волнах. Мистер Эйб вскарабкался в нее и изо всех сил налег на весла. Одним веслом он угодил по чьему-то скользкому телу.

Ли глубоко перевела дух.

– Правда, они ужасно милые? А правда, я великолепно провела сцену с ними?

Мистер Эйб изо всех сил греб к яхте.

– Надень халат, Ли, – довольно сухо сказал он.

– Я считаю, что имела огромный успех, – констатировала мисс Ли. – А эти жемчужины, Эйб! Как ты думаешь, сколько они стоят?

Мистер Эйб на мгновение перестал грести.

– Я думаю, что ты не должна была показываться им в таком виде...

Мисс Ли слегка обиделась.

– Что здесь такого? Сразу видно, Эйб, что ты не артист. Греби, пожалуйста, мне холодно в халате.

7. Яхта в лагуне

(продолжение)

В этот вечер на яхте «Глория Пикфорд» не было личных переживаний, зато шумно проявилось расхождение в научных взглядах. Фред (лояльно

поддержанный Эйбом) считал, что это определенно какие-то ящеры, тогда как капитан настаивал на млекопитающих. В море не бывает ящеров, горячо утверждал капитан; однако молодые джентльмены из университета не слушали его возражений; ящеры как-никак более эффектная сенсация. Крошка Ли удовольствовалась тем, что это были тритоны, что они были просто шикарны и что вообще она имела такой успех!.. И Ли (в голубой полосатой пижаме, которая так нравилась Эйбу) с горящими глазами мечтала о жемчужинах и морских богах. Джэди, конечно, была убеждена, что все это чепуха и враки и Ли с Эйбом все выдумали; она яростно моргала Фреду, чтобы он бросил эти дурацкие разговоры. Эйб считал, что Ли могла бы упомянуть о том, как он, Эйб, бесстрашно пошел к этим ящерам за ее купальным халатом; поэтому он уже в третий раз рассказывал, как замечательно справилась с ними Ли, пока он, Эйб, спускал лодку на воду, и собрался рассказать это в четвертый раз, но Фред и капитан ничего не слушали, поглощенные страстным спором о ящерах и млекопитающих. (Как будто в самом деле важно, что именно там было, подумал Эйб.) В конце концов Джэди зевнула и объявила, что идет спать; она многозначительно посмотрела на Фреда, но Фред как раз вспомнил, что до всемирного потопа существовали такие старые забавные ящеры – как они, черт бы их драл, назывались: диплозавры, бигозавры или как-то там еще, – и они разгуливали, сэр, на задних ногах; Фред сам видел такую забавную научную картинку, сэр, в одной толстой книжке. Замечательная книга, сэр, вам бы надо с ней познакомиться.

– Эйб, – произнесла Ли. – У меня есть шикарная идея для фильма.

– А именно?

– Нечто потрясающе новое. Представь себе, что наша яхта потонула и только я одна спаслась на этом острове. И жила бы, как Робинзон.

– А чем бы вы занимались? – скептически осведомился капитан.

– Купалась бы и вообще, – просто ответила Ли. – И в меня влюбились бы морские тритоны и приносили бы мне жемчужины. Понимаешь, совсем как в действительности! Это может быть видовой и научно-воспитательный фильм, как ты думаешь? Нечто вроде «Торгового флага».

– Ли права, – решительно заявил Фред. – Надо бы заснять завтра этих ящеров.

– То есть млекопитающих, – поправил его капитан.

– То есть меня, – сказала Ли, – как я стою среди морских тритонов.

– Но в купальном костюме... – поспешил вставить Эйб.

– Я, пожалуй, надену белый купальный костюм, – сказала Ли. – А Грета пусть как следует причешет меня. Сегодня я была прямо ужасна!..

– А кто будет снимать?

– Эйб. Пусть хоть какая-то польза от него будет. А Джэди придется светить, когда станет темно.

– А Фред?

– У Фреда будет лук и венок на голове, и когда тритоны захотят меня похитить, он их убьет.

– Покорнейше благодарю, – осклабился Фред. – Но я предпочту револьвер. А как насчет капитана?

Капитан воинственно ошетилил усы.

– Не извольте беспокоиться. Уж я-то знаю, что будет нужно.

– А именно?

– Три человека из экипажа, сэр. И хорошо вооруженных, сэр.

Крошка Ли восхитилась.

– Вы считаете, что это так опасно, капитан?

– Я ничего не считаю, деточка, – буркнул капитан. – Но у меня есть инструкции от мистера Джесса Леба, по крайней мере в отношении мистера Эйба.

Мужчины горячо занялись техническими деталями экспедиции. Эйб мигнул крошке Ли, давая понять, что пора уже ложиться в постель и все такое прочее. Ли послушно ушла.

– Знаешь, Эйб, – сказала она в своей каюте, – мне кажется, это будет потрясающий фильм!

– Да, крошка, – согласился мистер Эйб и собрался ее поцеловать.

– Сегодня нельзя, Эйб, – отстранилась Ли, – ты должен понимать, что мне необходимо ужасно сосредоточиться.

Весь следующий день мисс Ли интенсивно сосредоточивалась, отчего у несчастной камеристки Греты работы было по горло: ванны с очень важными солями и эссенциями, мытье головы шампунем «Только для блондинок», массаж, педикюр, маникюр, завивка, прическа, утюжка и примерка платьев, перешивание, гримировка и множество других приготовлений. Джэди, тоже захваченная этой горячкой, помогала Ли. (В трудные минуты женщины проявляют удивительную лояльность друг к другу, например, когда решаются проблемы одевания.) Пока в каюте мисс Ли кипела лихорадочная деятельность, мужчины собрались вместе и, уставив стол пепельницами и бутылками виски, принялись разрабатывать стратегический план: где кто будет стоять и в чем будут заключаться его обязанности, если что-нибудь произойдет; при этом, когда обсуждался вопрос командования, престиж капитана несколько раз подвергался тяжким оскорблениям. Днем на берег лагуны переправили киноаппарат, небольшой пулемет, корзину с провизией и посудой, ружья, граммофон и прочее военное снаряжение; все это было превосходно замаскировано пальмовыми листьями. Еще до захода солнца заняли свои места трое вооруженных людей из экипажа и капитан в качестве верховного главнокомандующего. Потом на берег был доставлен огромный сундук с некоторыми мелочами, могущими понадобится мисс Лили Валлей. Потом причалил Фред с мисс Джэди. Потом начался закат во всем его тропическом великолепии.

Тем временем мистер Эйб уже в десятый раз стучался в каюту мисс Ли.

– Крошка, теперь уже действительно пора!

– Сейчас, сейчас! – отвечала крошка. – Пожалуйста, не нервируй меня. Должна же я одеться, не правда ли?

Капитан в это время осматривал позиции. Вон там на гладкой поверхности залива сверкает длинная ровная полоса, отделяющая волнуемое море от тихих вод лагуны. Словно там под водой какая-то плотина или волнорез, подумал капитан; вероятно, это песчаная мель или коралловый риф, но похоже на искусственное сооружение. Странное место!

Над спокойной гладью лагуны там и сям стали показываться черные головы, которые двигались к берегу. Капитан сжал губы и беспокойно схватился за револьвер. Было бы лучше, мелькнуло у него, если бы женщины оставались на судне!.. Джэди начала дрожать и конвульсивно уцепилась за Фреда. «Какой он сильный, – подумала она, – господи, как я его люблю!»

Наконец от яхты отчалила последняя лодка. В ней – мисс Лили Валлей в белом купальном трико и прозрачном пеньюаре, в котором она, видимо, будет выброшена волнами на берег в качестве потерпевшей кораблекрушение; далее – мисс Грета и мистер Эйб.

– Почему ты так медленно гребешь, Эйб? – упрекнула его Ли.

Мистер Эйб посмотрел на черные головы, продвигающиеся к берегу, и ничего не ответил.

– Тс-тс!

– Тс!

Мистер Эйб вытащил лодку на песок и помог выйти Ли и мисс Грете.

– Беги скорей к аппарату, – прошептала артистка, – и, как только я тебе скажу «пора», начинай крутить.

– Да ведь уже ничего не видно, – возразил Эйб.

– Тогда пусть Джэди даст свет. Грета!..

Пока мистер Эйб занимал свое место у аппарата, артистка распростерлась на песке в позе умирающего лебедя, а мисс Грета поправляла складки ее пеньюара.

– Пусть немного будут видны ноги, – шептала потерпевшая кораблекрушение. – Готово? Ну, марш отсюда! Эйб, пора!

Эйб начал крутить ручку.

– Джэди, свет!

Но никакой свет не зажегся. Из моря вынырнули колеблющиеся тени и стали приближаться к Ли. Грета зажала рот рукой, чтобы не закричать.

– Ли! – крикнул мистер Эйб. – Ли, беги!

– Ноаж! Тс-тс-тс! Ли! Ли! Эйб!

Кто-то спустил предохранитель револьвера.

– К черту! Не стрелять! – прошипел капитан.

– Ли! – надрывался Эйб, перестав снимать. – Джэди, свет!

Ли медленно, томно встает и поднимает руки к небу. Легонький пеньюар соскальзывает с ее плеч. Теперь на песке стоит белоснежная Лили, грациозно вздымая руки над головой, как всегда делают потерпевшие кораблекрушение, приходя в себя после обморока. Мистер Эйб яростно завертел ручку аппарата.

– Черт возьми, Джэди, дай же свет!

– Тс-тс-тс!

– Ноаж!

– Ноаж!

– Э-эйб!

Черные тени качаются, кружатся вокруг белой Ли. Стойте, стойте, это уже не игра! Ли уже не вздымает руки над головой, но отталкивает что-то от себя и пищит:

– Эйб, Эйб, оно меня тронуло!

В этот момент вспыхивает ослепительный свет. Эйб стремительно закрутил ручку аппарата, а Фред и капитан с револьверами в руках побежали к Ли, которая сидит на песке, стуча зубами от страха. В то же мгновение при ярком свете видно, как десятки и сотни длинных теней во всю прыть, спотыкаясь, спешат к морю. В то же мгновение два матроса набрасывают сеть на одну убегающую тень. В то же мгновение Грета лишается чувств и падает как мешок. В то же мгновение прозвучали два или три выстрела, море с плеском разверзается, двое матросов лежат на чем-то извивающемся и мечущемся под ними, и свет в руках мисс Джэди гаснет.

Капитан зажег карманный фонарик.

– Деточка, с вами ничего не случилось?

– Оно меня тронуло за ногу, – проскулила крошка. – Фред, это было ужасно!..

В это мгновение подбежал и мистер Эйб со своим фонариком.

– Это было замечательно, Ли! – кричал он. – Только Джэди должна была бы дать свет пораньше.

– Он не зажигался, – пролепетала Джэди, – он ведь не зажигался, правда, Фред?

– Она испугалась, – оправдывал ее Фред. – Честное слово, она это сделала не нарочно, верно, Джэди?

Джэди обиделась, но в это время подросли двое матросов, волоча в сети что-то трепещущее, как большая рыба.

– Вот оно, капитан. Живое.

– Сволочь, обрызгало нас чем-то ядовитым. У меня руки сплошь в волдырях, сэр. Адски жжет.

– На меня тоже попало, – простонала мисс Ли. – Посвети, Эйб, посмотри, нет ли волдыря?

– Да нет же, ничего у тебя нет, крошка! – удостоверил Эйб; он едва удержался, чтобы не поцеловать то место над коленом, которое крошка тщательно растирала.

– Какое оно было холодное! Бррр!.. – жаловалась Ли.

– Вы потеряли жемчужину, мадам! – сказал один из матросов, подавая Ли шарик, который был подобран на песке.

– Господи, Эйб! – воскликнула мисс Ли. – Они опять принесли мне жемчуг! Дети, давайте искать жемчуг! Эти бедняжки, наверное, принесли мне массу жемчужин. Ну, разве они не прелесть, Фред? Вот еще жемчужина!

– И еще!

Три фонарика направили круги света на землю.

– Я нашел одну громадную!

– Она моя! – объявила Ли.

– Фред! – ледяным тоном позвала мисс Джэди.

– Сейчас! – отозвался мистер Фред, ползая по песку на коленях.

– Фред, я хочу вернуться на яхту!

– Кто-нибудь отвезет тебя! – сказал Фред, занятый делом. – Черт, вот потеха!

Трое мужчин и мисс Ли продолжали копошиться в песке, как большие светлячки.

– Вот еще три жемчужины! – провозгласил капитан.

– Покажите, покажите! – в восторге завизжала Ли и устремила на коленях к капитану.

В этот момент вспыхнул магний и затрещал киноаппарат.

– Ну вот, теперь вы запечатлены, – мстительно объявила Джэди. – Получится замечательное фото для газет. «Компания Американцев Ищет Жемчуг! Морские Ящеры Кидают в Людей Жемчужинами!»

Фред сел на песок.

– Клянусь богом, Джэди права! Дети, мы обязаны послать это в газеты!

Ли тоже села.

– Джэди, душечка Джэди,ними нас еще раз, только спереди!

– Ты бы много потеряла, милочка! – возразила Джэди.

– Дети, – сказал мистер Эйб, – давайте лучше искать. А то начинается прилив.

Во тьме, у линии воды, зашевелилась черная колеблющаяся тень. Ли взвизгнула:

– Там... там...

Три фонарика направили круги света в ту сторону. Но это оказалась всего лишь коленопреклоненная Грета, которая искала в темноте жемчуг.

Ли держала на коленях капитанскую фуражку с двадцатью одной жемчужиной. Эйб наполнял рюмки, а Джэди меняла пластинки на граммофоне. Необъятная звездная ночь простирала свой покров над вечно ропщущим морем.

– Так какой же мы дадим заголовок? – шумел Фред.

– «Дочь промышленника из Милуоки снимает для фильма ископаемых ящеров!»

– «Допотопные пресмыкающиеся поклоняются красоте и молодости», – поэтически предложил Эйб.

– «Яхта „Глория Пикфорд“ открывает неведомые существа», – посоветовал капитан. – Или «Загадка острова Тахуара».

– Это годилось бы только как подзаголовок, – сказал Фред. – Заголовок должен говорить больше.

– Скажем: «Фред-бейсболист воюет с чудовищами», – отозвалась Джэди. – Фред был прямо замечателен, когда устремился на них. Только бы это хорошо вышло на пленке.

Капитан откашлялся.

– Я, собственно, бросился туда первым, мисс Джэди! Но не будем говорить об этом. Я считаю, господа, что заголовок должен быть научным. Трезвым и... одним словом, научным: «Предлювиальная фауна на тихоокеанском острове».

– Предлидуювиальная, – поправил Фред. – Нет, предвидуальная, черт, как же это? Антелювиальная. Антедуювиальная. Нет, не годится. Надо дать какой-нибудь более простой заголовок, чтобы каждый мог выговорить. Ну, Джэди, ты же у нас на все руки мастер!..

– Антедилуювиальная, – сказала Джэди.

Фред покачал головой:

– Слишком длинно, Джэди. Длиннее, чем те чудища, вместе с хвостом. Заголовок должен быть краткий. Но Джэди прямо изумительна, правда? Скажите, капитан, разве она не замечательна?

– Да, – согласился капитан, – превосходная барышня.

– Вы – славный парень, капитан, – признательно сказал молодой атлет. – Ребята, наш капитан – молодчина! Но предлювиальная фауна – это чушь. Это не газетный заголовок. Скорее уж «Влюбленные на острове жемчужин» или что-нибудь в этом роде.

– «Тритоны осыпают жемчугом Белую Лилию!» – крикнул Эйб. – «Дань Посейдонова царства!», «Новая Афродита!».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

деревню (малайск.).

2

Прошу прощения, капитан (англ.).

3

Спасибо (англ.).

4

мыса (англ. cape).

5

господином (малайск.).

6

Акула (англ. shark).

7

Очень приятно (англ.).

8

Да (нем.).

9

Проклятый остров Клиппертона. Кучу проклятых островов (англ.).

10

Ваше здоровье! (англ.)

11

Видали? (англ.)

12

кучу денег (англ.).

13

Стоп! (нем.)

14

капитан ван Тох всегда верен своему слову (англ.).

15

судовладельцем (англ.).

16

пополам (англ.).

17

рекомендации (англ.).

18

парень (англ.).

19

мою родину (англ.).

20

газеты (англ.).

21

Я знаю (англ.).

22

мой большой друг (англ.).

23

консула Республики Эквадор (исп.).

24

Капитан И. ван Тох, О[ст]-И[ндская] и Т[ихоокеанская] п[ароходная] ко[мпания],
судно «Кандон-Бандунг», Сурабая, Морской клуб (англ.).

25

Очень рад познакомиться с вами, капитан. Войдите, пожалуйста! (англ.)

26

помните? (англ.)

27

Так-то! (англ.)

28

Капитан дальнего плавания (англ.).

29

Да, сэр. Плаваю в открытом море, Ост-Индия и Тихоокеанские линии, сэр (англ.).

30

понимаете? (англ.)

31

цена ему – миллионы (англ.).

32

Проклятая ложь, сэр! (англ.)

33

тапа-парень (англ.).

34

рифов (англ.).

35

жемчужницы (англ.).

36

чудо (англ.).

37

правильно (нем. диалект).

38

истребитель акул (англ.).

39

пароходе (англ.).

40

приятель (от англ. fellow).

41

наблюдения и опыты (англ.).

42

плотина (англ.).

43

Ведомства водных сооружений (голл.).

44

будь мужчиной (англ.).

45

товары (англ.).

46

корабли, пароходы и наливные суда (англ.).

47

палубой под тентом и со шканцами (англ.).

48

Правильно (англ.).

49

Здесь: что надо (англ.).

50

морском госпитале (англ.).

Купить: https://telnovel.com/chapek_karel/voyna-s-salamandrami

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)